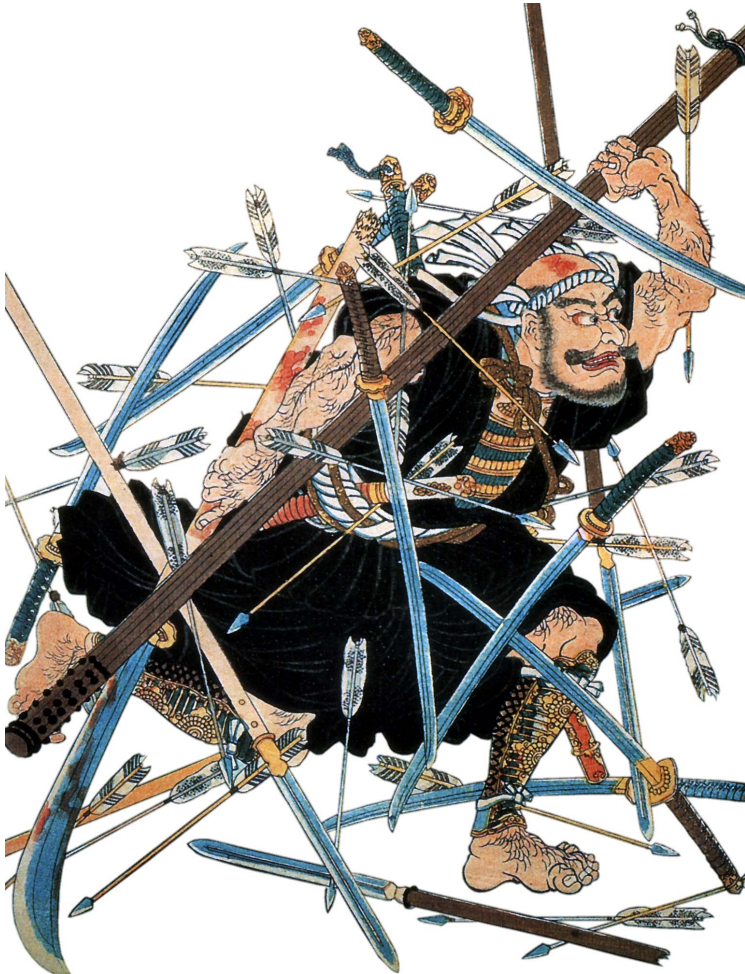

Валерий Хорев

Традиционное оружие кобудо

Данный материал представляет собой простую вырезку из книги “Круги на воде”, которая после обычного “бумажного” издания мною не оцифровывалась. Взамен пошел ее исправленный вариант: “Луна в тумане”. Однако, будучи в чем-то существенно дополненным, он потерял привязку конкретно к кобудо и, соответственно, подробные пояснения с чертежами, как самому изготовить традиционное оружие.

Вместе с тем обнаружилась определенная потребность в подобной информации, на что любезно указали читатели. Поскольку “глас народа — глас Божий”, мне не осталось выбора. Пришлось растрясти закрома и дать, что просят.

В начале, как водится, идет небольшое вступление с пояснениями о кобудо вообще и его разновидностях, далее — собственно технология. Строгайте, точите и дубасьте по головам и прочим частям тела как товарищей, так и недругов своих, проворно и с удовольствием!

Желаю удачи!

Затем Рыжий разбойник ухватил за ногу курицу
и всей этой курицей плашмя, крепко и страшно
так хватил по шее Поплавского,
что...он полетел вниз по лестнице.

М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»

Когда стрелой без дровка
Выстрелят из лука без тетивы —
Она поистине пронзит гору!

Судзуки Тантаро

Как совершенно справедливо заметил Михаил Афанасьевич, при известной сноровке и вареная кура может стать победоносным оружием. Иными словами, в этом небольшом отрывке нашла свое точное отражение самая суть древнего искусства *кобудо* как умения применять в бою всевозможные вспомогательные или даже случайно попавшие в руки предметы, подчас вовсе к тому не предназначенные. Строго говоря, дословный перевод термина звучит как «путь старинных воинских искусств», но традиционно в это понятие не принято включать основные разделы боевой подготовки воинов, то есть работу с табельным оружием — мечом, копьем, луком, и так далее, ибо каждая из упомянутых дисциплин давным-давно обособилась в независимую технику (дзюцу) или Путь (До) со своим названием, историей, мифологией, словарем, школами и патриархами стилей. Поэтому смысл кобудо точнее отражает его понимание как «пути малых (вспомогательных) воинских искусств».

Если вдуматься, по возрасту кобудо древнее любого иного способа ведения боя, поскольку уже в доисторические времена суковатая дубина в лапах нашего волосатого предка заметно повышала его статус в недружелюбном внешнем мире. Вероятно, поэтому и принято именно палку (шест) считать «матерью» всех прочих видов оружия и именно с нее начинают постижение кобудо в абсолютном большинстве традиционных школ.

В рамках японского архипелага все многообразие стилей и разновидностей кобудо легко укладывается в две большие группы — кобудо самурайское и простонародное. При этом внутри самурайского также можно выделить пласт полицейских техник, получивших наибольшее развитие в почти трехвековую мирную эпоху правления Токугавского сёгуната (1603–1868), а также примыкающее сюда самым тесным образом огромное, таинственное и вполне суверенное царство зловещих ниндзя. Замечательно ярким и характерным примером простонародного кобудо служит букет окинавских техник работы с примитивным оружием, родственным обиходным предметам крестьянского быта и почти не модифицированным для битвы. Теперь рассмотрим подробно каждую из разновидностей.

Мне товарищ острый нож,
Шашка-лиходейка,
Пропадем мы ни за грош,
Жизнь наша — копейка!

Лихая песня

Итак, самурайское кобудо. Как всем нам отлично известно из фильмов и книг, главным и наиболее зловещим спутником любого самурая всегда оставался его большой меч — поначалу *цуруги*, позднее *дайто*. Исторически это не совсем верно, поскольку вплоть до Токугавской эпохи отнюдь не меч, но лук и копье считались своеобразными символами воинственного сословия. Лишь с прекращением многовековой мясорубки непрерывных гражданских войн, когда славным доспехам и тяжелому полевому вооружению пришлось обратиться в семейные реликвии, эстафету подхватил меч, став отныне единоличным средоточием души самурая и знаком принадлежности к гордому племени буси (хотя для этого, строго говоря, требовалась пара мечей, большой и малый, плюс характерная прическа). Но, так или иначе, и мечи, и луки, и копья отно-

сятся к штатным видам вооружения, мастерство владения которыми в состав кобудо не входит. В этом плане столь популярное сегодня параллельное изучение тонкого искусства иай-до совместно, скажем, с тонфа-дзюцу, выглядит немного странно.

Вместе с тем любой самурай, не стремившийся почетно пасть на поле брани в расцвете сил, непременно овладевал целым набором дополнительных техник, прибегать к которым случалось нередко. В пылу благородного сражения в чистом поле воин запросто мог лишиться мощного меча либо копья, сломав их или просто выронив от молодецкого удара противника. После такой неприятности оставалось лишь прибегнуть к спасительной помощи малого меча (*вакидзаси*), ножа или какого-нибудь иного оружия. Довольно популярными среди самураев были различные варианты цепей, железные веера *тэссэн* и *гумбэй-утива*, а также всевозможные метательные лезвия и пластины, в том числе всем известные *сякэны* («звезды»), необоснованно относимые к монопольной и чуть ли не главной принадлежности ниндзя. Между прочим, только шпионы предпочитали маленькие, легкие пластинки, но они смазывали их острия крепким ядом, целясь притом в шею, лицо и т. д., а настоящие боевые звезды были большими (порядка 150 x 5 мм), коваными и тяжелыми, рассчитанными на изрядное пробивное действие и глубокое проинкновение в тело.

Веер «гумбэй-утива»

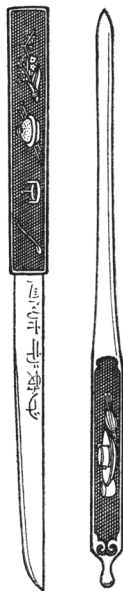
Веера «тэссэн»

В повседневной жизни и обыкновенный зонтик мог стать разновидностью скрытого оружия. Далее — не всегда и не везде позволялось размахивать любимым клинком, а порою вовсе не допускалось и обнажать его, не говоря о копье или нагинате. При входе в дом (за исключением откровенно враждебного визита) полагалось оставлять бесценный фамильный меч «в дверях», надеясь, случись что, на вакидзаси да на припрятанную под одеждой сюрпризы, овладеть которыми не поленился ранее. Ножны малого меча, *танто* и *айкути* всегда содержали в боковых кармашках обиходный ножичек *когатану* и сталь-

ную шпильку *когай*, назначение которой — распускать туго затянутые узлы шнуровки доспехов. Очень часто когай состояла из двух половинок, каждая из которых могла быть пущена опытной рукой точно в цель, как и любой из аналогичных предметов.

Собственно говоря, *хороший* самурай без труда, молниеносно и четко способен был метнуть в противника всякую снасть из своего богатого арсенала, что замечательно правдоподобно демонстрирует Тосиро Мифунэ в фильме «Красное солнце».

Аналогично европейским шестоперам и булавам, ставшим, помимо утилитарного предназначения, своеобразными символами атаманской власти, стальные боевые веера в Японии прижились в среде князей и полководцев. Те, кто видел старую ленту «Знамена самураев», могут припомнить эпизод, в котором знаменитый Такэда Сингэн отбивает бешеные наскоки Уэсуги Кэнсина именно таким веером. И уж, конечно, веером было удобнее всего отражать различные мелкие метательные снаряды, которыми не брезговали и вездесущие ниндзя, и свои же собратья-самураи. Зачастую это практиковалось в качестве тренировки, чтобы надежность рефлекса не подвела при реальном нападении.

Вот они подъехали, показали аспиду!
Супротив милиции он ничего не смог.
Вывели болезного — руки ему за спину,
И с размаху кинули в «черный воронок».

В. Высоцкий

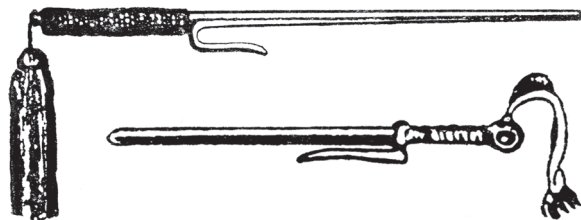
Полицейские техники и соответствующее вооружение расцвели, как и многое другое, в мирную Эдоскую эпоху. Обусловлено это было не только организацией мощной разветвленной полицейской сети, с помощью которой Бакуфу (*военно-административный аппарат управления в эпоху Эдо*) контролировал ситуацию во всей стране, но и значительным упадком мастерства буси. По прошествии многих безоблачных

десятилетий совершенно сошел с исторической сцены старый тип сурового непобедимого солдата, идущего по пояс в крови через жестокие битвы «эпохи войн», со всеми его невероятными рефлексам, переходящими в «шестое чувство», и поистине inferнальной ударной мощью.

Излюбленным оружием полицейских стали длинные цепочки с грузилами на концах, позволявшие обездвижить противника, не убивая его, а также *дзиттэ* — стальной пруток с одной крюкообразной половинкой гарды, нечто вроде урезанного окинавского *сай*. Пусть легенды о мастерах, способных одним поворотом такой ловушки переламывать клинок меча, останутся на совести их сочинителей — реально *дзиттэ*, имевший на рукоятке шнурок с кистью различного цвета, соответствовавшего рангу полицейского (согласно некоторым исследованиям), играл

ту же роль, что в наши дни жетоны и удостоверения. Хотя, безусловно, хватало по-настоящему сильных мастеров, творивших чудеса со своим нехитрым орудием.

Любители японских боевиков *тямбара* могут наслаждаться этой темой, отыскав фильм «Лезвие», повествующий о приключениях эдосского полицейского Ханзо-лезвие (кличка такая) в исполнении блистательного мастера, актера и режиссера Шинтаро Кацу, знакомого многим по роли слепого массажиста Зато Ичи, убившего на протяжении тринадцати серий едва ли не полтысячи отвратительных якудза своим молниеносным клинком, спрятанным в палке. В образе мэцукэ (полицейского) он также орудует отточенной сталью обыкновенной катаны, иногда пуская в ход сай с длинной цепочкой, размещенной в рукоятке, а также результативно пытается женщин некоей естественной принадлежностью своего организма.

В целом Эдосский период японской истории можно сравнить с эпохой европейского ренессанса. Пришедший на смену нескончаемым войнам почти трехвековой мир возродил к жизни огромное количество всевозможных разновидностей изящных искусств, а профессионалы клинка получили возможность в спокойной обстановке заняться систематизацией бездонного практического опыта и созданием постоянных школ. Именно в эти годы множатся новые и укрепляются старые «рю», в стенах которых обретают отчетливый облик здравствующие по сей день стили кэн-дзюцу и дзю-дзюцу. Исполдволь поменялся характер техник, так как отсутствие доспехов сместило

акценты в сторону быстроты и ловкости движений. На смену ужасной сметающей мощи копья, нагинаты и длиннейшего «полевого» меча пришла виртуозная работа более легкой катаной и всем обширным арсеналом малого вооружения, вышедшего из тени могучих собратьев.

Кобудо, понимаемое теперь как искусство боя с использованием предметов, входит в качестве обязательного раздела во все без исключения современные школы дзю-дзюцу, каратэ, и так далее. Разумеется, речь идет о школах традиционной (а не спортивной) направленности.

Если попытаться обобщить все вышесказанное, то можно утверждать, что самурайская разновидность кобудо включает в себя искусство обращения с различными вариантами *стальных* предметов, в том числе цепей, а также некоторые специфические техники наподобие *ходзё-дзюцу* (приемы связывания противника веревкой, поясом и т. п.). В отличие от окинавского, самурайские разновидности кобудо не сведены в единую систему и изучаются порознь в рамках тех или иных школ как самостоятельные дисциплины.

Подкрался сзади, размахнулся,
Как вихорь свистнул острый меч,
И прежде, чем я оглянулся,
Уж голова слетела с плеч.

А. С. Пушкин

Из содержания эпиграфа ясно, что речь пойдет о коварных и безжалостных шпионах японского средневековья, любимцах нынешней детворы во всем мире — ниндзя. Хотя здесь описана именно сцена убийства, главным смыслом деятельности «воинов ночи» была все же добыча, сохранение и передача информации, а уж во вторую очередь — диверсионные акции в тылу врага, резня и поджоги. Собственно говоря, принципиальная ошибка читателей, исследователей и историков ниндзюцу на сегодняшний день состоит в том, что древний феномен рассматривается как разновидность боевого искусства. Это *совершенно неверно*, ибо сами по себе боевые техники составляли лишь малую часть в емкой программе подготовки лазутчиков, где гораздо большее внимание уделялось вопросам маскировки и скрытого перемещения, приемам проникновения в дома и замки, способам взлома, подкопам и прыжкам, плаванию и бегу, умению часами сохранять неподвижность в самой немыслимой позе (например, повиснув на ветке), и множеству иных навыков. Помимо чистой «физики», досконально прорабатывались также психические аспекты — гипноз и самогипноз, умение запо-

минать колоссальные объемы информации, способы концентрации внимания, обострения органов чувств, мобилизации энергетики, и так далее. Как следует из другого их наименования — *синоби* (крадущиеся) — практика ночных оборотней строилась, прежде всего, на соблюдении абсолютной незаметности, бесшумности и безликости. Поэтому очень красивый рассказ Виктора Попенко на страницах его книги «Древнее оружие востока» о том, как гордые своей профессией ниндзя для пущей славы раскрашивали в разные яркие цвета клинки мечей (причем цвет соответствовал той или иной конкретной школе), заставляет вообразить штандартенфюрера Штирлица с полным набором советской военной атрибутики вплоть до знака об окончании академии РККА на черном эсэсовском мундире.

Согласиться с подобными вымыслами невозможно, если принять в расчет обыкновение шпионов уродовать свое лицо в случае поимки, дабы лишить врага возможности какой-либо идентификации. При этом странно иметь при себе клинок, на котором, так сказать, «синим по белому» написано о причастности, например, к Котто-рю. Если еще учесть, что другим показателем достоверности подобных сведений служит утверждение автора о хромировании клинков (в XVII веке!) для пускания зайчиков в глаза противнику, то не стоит принимать этого всерьез.

Самое большее, что могли проделывать ниндзя со своим оружием — коптить его в пламени свечи или костра для ликвидации малейших бликов, каждый из которых мог привести к обнаружению, гибели и, что несравненно важнее, к провалу всей операции. На сегодняшний день в нашей стране вышла в свет единственная достоверная работа по истории шпионского промысла в Японии — две книги Алексея Горбылёва: «Путь невидимых» и «Когти невидимок».

Нас же хитрые проныры интересуют лишь постольку, поскольку все их невероятное мастерство и фантастические деяния напрямую зависели от умения обращаться с разнообразнейшим арсеналом специальных приспособле-

ний, от самых простых до весьма сложных и остроумных. Сегодня с легкой руки писателей и сценаристов у определенных слоев общественности сложилось впечатление, будто ниндзя только и делали, что убивали направо и налево, причем исключительно при помощи мечей, серпов и сюрикэнов. Между тем этот зловещий образ имеет к реальной практике ниндзя примерно такое же отношение, как блистательный Джеймс Бонд — к деятельности настоящей британской разведки. Как отмечалось выше, истинный синоби был, в первую очередь, мастером скрадывания, проникновений и похищений, а вовсе не рукопашного боя. В наши дни, с этой точки зрения, опытный домушник или карманник в гораздо большей степени имеет право отождествлять себя с ниндзя, чем все те члены клубов и секций, что рядятся в черные одежды, мечут «звезды» и размахивают прямыми мечами тайваньской выделки, не будучи в состоянии даже выкрасть бумажник у прохожего. Я не воспеваю и не оправдываю воровство, но факт остается фактом: хороший ниндзя есть прежде всего хороший жулик. Огромное число увлекательнейших историй повествуют нам об испытаниях мастерства, что придумывали шпионам их учителя или наниматели. Почти все подобные задания представляли собой изощренные кражи предметов (меча, свитка, подушки из-под головы) у заранее предупрежденного, изготовившегося к отпору владельца. Даже когда дело касалось боевых подвигов в расположении противника, звону стали всегда предшествовало незаметное проникновение на тщательно охраняемую территорию.

В полном соответствии с тематикой работы шел подбор вспомогательных средств, причем каждый предмет мог служить одновременно разным целям, и оружия в чистом виде почти не применялось — даже пресловутый *синоби-кэн* представлял из себя целый арсенал, обеспечивая весьма далекие друг от друга задачи. «Невидимка» попросту не мог позволить себе быть обвешанным грудой тяжелого громоздкого инвентаря, словно Арнольд Шварценеггер в

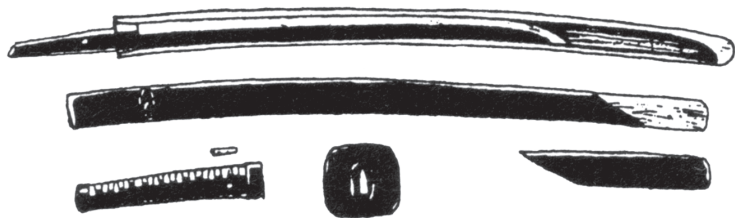
фильме «Коммандо», поэтому компактность и универсальность были первым и решающим критерием в подборе снаряжения. Даже когда наниматель жаждал смерти оппонента, дело чаще всего обходилось без серпов и мечей. Подлинный мастер мрачного ремесла использовал, как свидетельствуют исторические документы, невероятные ухищрения и выдумки — опять же с целью незаметности и стопроцентной эффективности акции. Ведь целью являлся, как правило, не рядовой воин, а полководец, князь, то есть личность всегда неординарная, искусный во всех тонкостях схваток, да к тому же тщательно охраняемый. Такой человек обладал развитой интуицией и знаменитым *гоку-и* («шестым чувством»). Всем хорошо известен хрестоматийный эпизод с (предположительно) Ягью Мунэнори и его слугой (учеником?), когда спящий мастер мгновенно уловил мелькнувшую у того мысль о своей беззащитности, и в следующую секунду стоял с мечом в руках. Поэтому очень трудно было просто зарубить или разрезать намеченную жертву — тот, скорее всего, почуял бы врага заранее, что бы ни сочинял о мастерстве ниндзя скрывать эманации своего мозга известный Эрик Ластбадер в сериале о похождениях тандзяна Николаса Линнера. Кроме того, не стоит приписывать ночным пройдохам абсолютного совершенства решительно во всех видах боевого искусства. Универсал всегда проигрывает узкому специалисту в его излюбленной области, и средний самурай безусловно превосходил среднего шпиона в технике меча и копья. Не стоит заострять внимания на выдающихся представителях профессии с той и другой стороны. В любом деле встречаются уникалы, и наша речь не о них.

Как сегодня нормальный разведчик в чужой стране не крадется по темным улицам с пистолетом в руке, так и триста лет назад ниндзя предпочитали обходиться без меча до самого последнего предела, когда на него обрушивалась подоспевшая охрана или погоня. И обыкновенно результат подобной схватки бывал предрешен. Некоторое преимущество состояло в использовании нетрадиционных,

малоизвестных приемов боя, атак в неожиданных ракурсах, обилии акробатических элементов, и так далее. Все это приносило победу в быстрой стычке, но только при наличии фактора неожиданности. В тех же случаях, когда прохиндей был вынужден схватиться в открытую, используя свой более короткий и легкий меч, результат, повторяю, был известен заранее. Кроме того, замечательные клинки самурайских катан и тати чаще всего превосходили по своим характеристикам шпионское оружие. Это легко объяснимо, так как меч самурая делался долго и на века, являясь нередко семейной драгоценностью. Меч ниндзя (в тех случаях, когда он предпочитал «специзделие») был всего-навсего рабочим инструментом, одним из многих и далеко не главным, который не жалко выбросить в случае чего. Это отнюдь не значит, что клинок был из рук вон плох. Он вполне обеспечивал круг своих задач, но никакими выдающимися свойствами не обладал. Опять же, не стоит говорить об исключениях. Кстати — только кинониндзя всегда экипированы характерным прямым мечом, который упрямо прилаживают за спину. На деле нет ни одного исторического свидетельства существования таких мечей — ни записей, ни сохранившихся экземпляров. Настоящие лазутчики пользовались чаще всего самыми обычными самурайскими клинками, причем носили их, как и полагаются, сбоку, так как принатовленный сзади меч, да еще с цубой, полностью исключает возможность кувырков, перекатов и других акробатических элементов, а заткнутый за пояс нисколько этому не препятствует. И потом,

для разведчика и диверсанта, первой задачей которого было слияние с толпой, наличие особого, легко узнаваемого вооружения тотчас обернулось бы разоблачением, арестом и пыткой, поскольку охотники за шпионами — сами, как правило, такие же ниндзя — имели острый глаз и отточенную интуицию. Другой вопрос: внешне чисто самурайский меч мог скрывать в себе откровенно шпионские хитрости, будучи приспособлен для выполнения разных специфических дел, однако это никак не сказывалось на экстерьере. Чаще всего дело ограничивалось устройством потайного резервуара в конце чуть удлиненных ножен.

Строго говоря, между самураями и ниндзя вообще не существовало четкой границы, поскольку самураи были сословием, а ниндзя — профессией или хобби, и ничто, кроме кодекса бусидо, не мешало бедному служаке проявляться на ниве шпионажа и заказных убийств. Большинство известных кланов ниндзя — самурайские, и множество гордых буси без зазрения совести посвящало себя «иньскому ремеслу», а корни знаменитых школ будзюцу уходят в почву монастырских техник боя, породивших также превосходные шпионские системы. Сами ниндзя также не изобретали велосипедов, практикуя в полном объеме испытанные методики самурайской выучки.

Принимая в расчет все вышесказанное, можно утверждать, что в нормальных рабочих условиях наши герои мечу и рубке предпочитали орудия тихие и несравненно более эффективные — отравленные иглы, метательные предметы, ядовитые дымы, порошки, жидкости и прочие дьявольские штучки, вплоть до лютых ученых крыс.

Как у Высоцкого:

*Добрый молодец он был,
Бабку-ведьму подпоил,
Ратный подвиг совершил –
Дом спалил!*

Воистину, реальная шпионская акция! Недаром именно ниндзя первыми оценили преимущества пороха, да и вообще старались держаться на гребне научно-технического прогресса тех лет, обращая любое изобретение в свою пользу. Потому-то ассортимент их подручных средств был широк, хотя главенствовало в нем не оружие, а средства проникновения и маскировки, подслушивания и доставки информации, преодоления препятствий, и тому подобное. Все, кого интересуют конкретные описания и иллюстрации шпионского инвентаря, могут обратиться к многочисленным изданиям на эту тему — от брошюрок местечковых эспертов до упоминавшегося двухтомника А. Горбылёва.

Я сознательно не хочу здесь касаться откровенно инфернальных техник психоэнергетического тренинга «невидимок», всех их излюбленных пальчиков и черной магии, поскольку уж этого-то наверняка не стоит касаться.

Гораздо примечательнее то, что ниндзя являлись выдающимися мастерами импровизации, настоящими профессорами по использованию подсобных предметов, так как изменчивый калейдоскоп нештатных ситуаций требовал молниеносных решений и точных действий. Что бы ни попало в опытные руки, могло превращаться и в оружие, и в отмычку, и во что угодно. Сколь бы ни был обширен перечень носимого снаряжения, всего предусмотреть невозможно, и всегда могли проявиться неожиданные факторы, заставляющие на ходу сочинять и конструировать что-то новое из имеющегося или найденного поблизости. Трудно вообразить лазутчика, вышедшего на задание с пустыми руками. Разведка и диверсии всегда есть работа с теми или иными предметами, от сноровки обращения с которыми напрямую зависит успех или провал дела, и как раз тут лежат точки соприкосновения ниндзюцу и кобудо.

Царь обезьян в сраженьи был свиреп,
И Царь-волшебник тоже был силен —
Друг друга меч и посох отражали...
У Чэн-энь. «Путешествие на Запад»

Коль скоро профессиональные шпионы, оснащенные множеством заранее сконструированных и изготовленных инструментов, часто вынуждены были использовать под-вернувшиеся под руку предметы, что оставалось делать крестьянам и горожанам для защиты от лихости разбойников и самурайского буйства? Наиболее остро эта проблема стояла не в центральных провинциях, где силовые структуры мгновенно подавляли малейшее неповиновение, а бесконечные уسوبные войны давали возможность без труда собирать на полях сражений мечи, копья и даже доспехи, что наглядно продемонстрировал А. Курасава в знаменитом фильме «Семь самураев». Гораздо хуже обстояли дела на окраинах империи, особенно на юге, но все же сцены открытого нападения на самураев, скорее всего, являются красочным вымыслом.

Самый крупный остров архипелага Рюкю, Окинава, расположен как раз на стыке двух могучих культурных традиций — японской и китайской, поэтому бездонная культура Поднебесной питала свою младшую сестру в значительной мере именно через Окинаву. Тамошние жители никогда не отличались кротким нравом, а близость континента оказывала существенное влияние на все стороны жизни, включая боевые искусства. Официальная версия возникновения окинавского кэмпо относит его зарождение к XIV веку, когда король Рюкю признал вассальную зависимость от Китая, и с континента прибыла дипломатическая миссия, в составе которой были мастера цюань-фа. Но реально знакомство с передовыми техниками боя произошло еще раньше.

Как известно, XII век принес гибель огромному клану Тайра. Спасаясь бегством от победоносных Минамото, остатки разгромленных войск откатились на юг аж до Окинавы, унося с собой полный багаж военных знаний и оригинальных наработок, в корне отличных от классических китайских систем. Именно в этом заключается причина того, что древнейшие окинавские стили Тэ более всего напоминают как раз дзю-дзюцу, а не ушу, да и культивировались они отнюдь не в простонародной среде, а в правящих самурайских семействах острова. То, что сегодня принято считать настоящим окинавским каратэ, есть гораздо более поздняя переделка южно-шаолиньского цюаня (предположительно — стиля «журавль»), преподававшегося в середине XVIII столетия легендарным мастером Кусянку, хотя по сей день не ясно даже, имя это, прозвище или некая должность. От него пошли все современные стили и разновидности «китайского кулака», как испокон веку именовали данное искусство на Окинаве, пока, с подачи Фунакоши Гичина, оно не превратилось в «пустую руку». Разумеется, задолго до рождения Кусянку китайские формы не могли не влиять на развитие Тэ. Исподволь шел процесс взаимообогащения, результатом которого явилось практичное, жесткое и бескомпромиссное окинав-

ское кэмпо, в котором мастерство владения простейшим оружием неразрывно связано с работой голыми руками и две эти составляющие никоим образом не могут быть отделены друг от друга.

Вся дальнейшая история острова лишь подтверждала древнюю истину, что любой запрет только усиливает сопротивление и будоражит дремлющие силы. «Сухой закон» породил американскую мафию и расплодил гангстеров, а когда в XV веке королю Сё Ха-си вздумалось объединить север и юг Окинавы и ввел первый запрет на ношение оружия, это лишь подхлестнуло развитие кэмпо и дало стимул к поиску методик использования безобидных сельскохозяйственных инструментов. Не стоит верить сказкам о том, что традиционное оружие Окинавы напрямую родилось от цепов и тяпок. Идея и техники пришли, опять-таки, из Китая, уже имея многовековую историю и традиции. Они всего-навсего обрели новую родину и претерпели незначительные изменения, оставившие нетронутой сердцевину искусства. Простой пример: обычные грабли на континенте никогда не рассматривались как сугубо мирный земледельческий инвентарь, но сплошь и рядом использовались в качестве настоящего боевого оружия со своим набором преимуществ и недостатков. Свидетельством тому служит хотя бы образ одного из героев знаменитой эпопеи «Путешествие на Запад», чудовищного кабана-оборотня Чжу Ба-цзе (отнюдь не поросенка, как его иногда называют), бессмертного борава, вооруженного волшебными граблями.

Окончательно подлил масла в огонь великий Иэясу Токугава, издав в конце XVII века повторный (после Хидэеси) указ о категорическом запрете

на ношение и даже хранение клинкового оружия. Словами дело не ограничилось. Была тотчас проведена первая (но не последняя) *катана-гари*, то есть «охота за мечами», прокатившаяся волной по всей империи и выразившаяся на своенравной Окинаве в самых жестоких и крайних формах. Доходило до того, что на всю деревню оставляли единственный нож, прикованный цепью к столбу на площади. Как и следовало ожидать, эта политика привела к созданию тайных сообществ, окончательной систематизации старых и появлению новых стилей кэмпо, а также к лавинообразному росту качественного уровня школ, оживленных идей сепаратизма. Уже не интуитивно, а сознательно и целенаправленно анализировался и обобщался древний опыт Китая и Японии.

Полный перечень вооружений окинавского кобудо достаточно обширен и включает в себя как деревянные, так и стальные предметы — *сай*, *кама*, *тэкко* и пр., однако последние, скорее, исключение из правил. Серпы являются оружием изначально, и вопрос лишь в технике работы с ними, тогда как палки и шести — вещи мирные, требующие очень специфических навыков для превращения их в грозные орудия нападения и защиты.

Из наиболее известных «инструментов» окинавского кобудо можно назвать *бо* (палки всевозможной длины и толщины), *нунчаку*, *тонфа*, *кама* (серп), *сай* (трезубец), *тэкко* (кастеты), *сурутин* (цепь или веревка с грузами на концах), *фундо* (цепь длиной около 60 см с рукоятками на концах), и так далее. Самой оригинальной из этого списка является снасть, представляющая собою нечто вроде узкого полотенца из сыромятной кожи, которое позволяло вязко гасить смертельные удары острого, как бритва, меча, давая шанс для контратаки. Практически, на сегодняшний день реально живущими можно признать лишь традиции работы с *бо*, *дзё*, *ханбо*, *сай*, *нунчаку*, *кама*, и *тонфа*. Рассмотрим подробнее каждую из техник.

Сунь У-кун начал проделывать
разные фокусы со своим посохом —
то он размахивал им над головой,
то вращал вокруг тела,
то подбрасывал его вверх,
то опускал вниз...

У Чэн-энь. «Путешествие на Запад»

Бо-дзюцу представляет собой искусство ведения боя с помощью палок различной длины. Существует несколько более или менее канонизированных размеров оружия, в зависимости от чего меняется и его название. Ориентировочно такой перечень выглядит следующими образом:

Тамбо — палка (часто суковатая) длиной около 50 см;

Ханбо — «половинный *Бо*», от 90 до 110 см;

Дзё — несколько более тонкая палка, от 120 до 150 см;

Рокусяку-бо — шест длиной 182 см (6 сяку);

Хассяку-бо — длинный шест, до 240 см. (8 сяку).

Как мы видим, длина предмета не ограничена строго, а зависит от личных вкусов владельца, его роста, телосложения, принадлежности к тому или иному стилю и так далее. Обозначение длинных шестов является производным от японской меры длины *сяку* (30,3 см) с указанием количества этих единиц. Наиболее популярной является работа с *ханбо*, *дзё* и *рокусяку-бо*. Соответственно, и техники для данных разновидностей проработаны полнее и глубже.

Обращение с *ханбо* внешне слегка напоминает кэндзюцу — в том случае, когда палку держат двумя руками за один край, словно меч, нанося ею все известные круговые и тычковые удары. Однако, не умея рассекать, дубинка дает и небольшие преимущества, позволяя совершать массу скользящих движений руками по всей своей длине, что сильно расширяет спектр приемов. Например, это дает возможность совершать непредсказуемые и коварные тычковые удары «с выносом», значительно и неожиданно увеличивая рабочую

дистанцию и поражая противника на расстоянии до двух шагов, а также выполнять ряд перехватов, характерных для *нунчаку-дзюцу*, атакуя в нестандартных ракурсах.

Также можно удерживать *ханбо* за центр, что породило массу оригинальных вариаций. Нелишне заметить, что сам Миямото Мусаси в зрелые годы почти полностью отказался от стального меча, предпочитая деревянный *бокэн*, который в чем-то аналогичен *ханбо*, если не принимать близко к сердцу легкий прогиб и овальность сечения. Причем он не раз одерживал этим оружием блестящие победы над противниками, чьи руки сжимали великолепные мечи работы знаменитых мастеров.

Техника *дзё (джо)* пользуется традиционной популярностью у приверженцев айкидо и дзю-дзюцу, где приемы с этой палкой составляют отдельный раздел *айки-дзё* и является необходимой частью квалификационных требований. Вся база *дзё-дзюцу* детально проработана как в варианте атак и защит, использующих палку в качестве оружия, так и против нее.

В целом рисунок движений заметно отличается от практики иных окинавских школ, внешне повторяя манеру айкидо, имеет явно круговой характер и плавный, стремительный ритм. Очень подробно разработаны броски с помощью *дзё*, а также болевые замки и фиксация уже лежащего противника. Акценты сдвинуты с внешней «физики» движений на глубинные внутренние моменты и требуют постоянных вдумчивых тренировок, как, впрочем, все, что относится к древнему искусству дзю-дзюцу.

Рокусяку-бо — наиболее известное и популярное оружие, почитаемое несметным числом школ самой разнообразной ориентации. В обязательном порядке изучается почти во всех традиционных стилях окинавского каратэ, именуется обыкновенно просто «*бо*» и представляет собою круглый или граненый шест диаметром 3 сантиметра, изготовленный из дерева твердых тяжелых пород. Технический арсенал приемов с шестом настолько обширен, что позволяет сосуществовать целым направлениям и школам,

весьма непохожим друг на друга. Очень грубо и приблизительно можно попытаться выделить две разновидности техник — окинавского и китайского типа, хотя первая и является вполне законнорожденной дочерью второй. Те, кто видел фильмы о похождениях шаолиньских монахов, легко поймут, о чем идет речь. Для китайской боевой традиции вообще характерна склонность к сложным, многоплановым и хитроумным построениям, которые при всей своей бесспорной эффективности чрезвычайно эстетичны. Работа с шестом здесь строится на обилии круговых движений, часто с оборотами вокруг тела. Шест, который нередко держат за один край, совершает стремительный полет по широким спиральям, восьмеркам и эллипсам, то взлетает, то опускается, то выходит на тычковый удар. Много подсечек. Порой оружие используется как опора для совершения прыжка или высокого удара ногой. Шест вообще являлся и является до сих пор фирменным оружием монахов, а также адептов ушу стиля обезьяны, тради-

ционно восходя в этом к легендарному царю обезьян Сунь У-куну, Великому мудрецу, равному Небу, и его знаменитому железному посоху толщиной с чашку.

Окинавская работа отличается большей простотой, лаконизмом и жесткостью, если не сказать — жестокостью. Причины тому были уже оговорены, и возвращаться к ним не стоит. В окинавских стилях преобладают короткие тычковые и компактные, не размашистые круговые удары и защиты, несущие в себе, тем не менее, смертельную мощь. Значительно уступая китай-

ким техникам в эстетике, они, безусловно, надежны и действенны, что проверено в схватках с вооруженными противниками. Существует множество весьма колоритных ката с шестом — наследие великих мастеров прошлого, закодировавших и донесших таким образом до наших дней традиционное искусство работы с этим прекрасным предметом, по праву названным «матерью всего оружия».

Хассяку-бо и Кюсяку-бо — длинные шесты, соответственно по 240 и 270 см. В наши дни они гораздо менее популярны, чем универсальная «двухметровка». Хотя эдакая оглобля и предоставляет владельцу известные преимущества в бою на длинных дистанциях в чистом поле, вместе с тем она требует обширного свободного пространства и практически бесполезна в лесу, на улице, среди заборов и в других подобных местах, равно как и в густой толпе. Техника работы не отличается какими-либо особенностями, разве что чаще используются широкие круговые движения, сметающие подсечки с хватом двумя руками за один конец, да еще очень длинные выносные удары по всем уровням. В отличие от стандартного шеста, такие удары несут в себе гораздо большую силу из-за тяжелого веса предмета и оттого, что путь его разгона длиннее, чем в случае с коротким оружием.

Соответственно, в разных регионах и школах применялись и применяются различные типы шестов. Так, если на Окинаве классическим считается именно *рокусяку-бо*, тяжелый и жесткий, то для китайской традиции характерен более длинный (свыше двух метров), эластичный и гибкий шест, совершающий в момент фиксации удара упругие колебания, что даже используется в качестве технического элемента. Несмотря на длительные беседы со знакомыми китайцами, мне так и не удалось выяснить, из какого именно дерева изготавливаются такие шесты. Некоторые говорят, что из бука, но это вздор. Скорее всего, используется какая-то хитрая южная порода.

Вообще о всевозможных разновидностях палок и об искусстве боя с ними можно говорить почти бесконечно,

так как именно палка, какой бы длины и толщины она ни была, абсолютно бесспорно является древнейшим из всех прочих видов оружия, ведя свою родословную из бесспорно темных времен. И ничто другое не представляет само по себе оружия в меньшей степени, нежели обыкновенная палка, легко приобретающая в опытных руках почти абсолютную эффективность.

Прохор, принеси-ка пистолет,
Да костыль чугунный не забудь!
Л. Сергеев

Тонфа (реже — *туйфа*) олицетворяет собою как бы некую визитную карточку окинавских боевых искусств, являясь оригинальным и уникальным оружием, присутствующим почти исключительно данному региону. Конструктивно это все та же короткая палка, но с добавочной поперечной рукояткой.

Чаще всего происхождение тонфа выводят от рукоятки мельничного жернова. Вполне возможно, что на Окинаве существовали в точности такие рукоятки, однако гораздо достовернее выглядит версия исхода идеи тонфа опять же из Китая, где задолго до появления проблесков цивилизации на островах Рюкю уже всю дрались с использованием оружия, именуемого *гуай* (боевой костыль), или «костыль хромого Ли», по прозвищу одного из даосских бессмертных, Ли Те-гуая. Вот он на фото (нэцкэ, Япония, XVIII в) со своим знаменитым костылем. Но китайский прототип длиннее, тоньше, и не имеет явно выраженной «головки» на рукояти, что очень существенно влияет на технику движений и их арсенал в целом. Кроме того, на Окинаве с самого начала тонфа стали использовать в парном варианте, для обеих рук,

тогда как на континенте длинный костыль часто подхватывался второй рукой за дальний конец. Это давало целый ряд сложных скруток, подставок, зацепов и перехватов, каковые почти полностью отсутствуют в окинавских стилях из-за иной геометрии оружия и его парности. Зато мощь и эффективность островных техник несравненно выше, ибо приемы боя рождались, отсеивались и шлифовались в ожесточенных схватках, где единственная неточность стоила жизни, а бить следовало однозначно наповал. Мастер тонфа вполне мог выйти на бой с несколькими противниками и победить (то есть поубивать) всех до единого, чему есть исторические свидетельства.

Как все прочие палки, тонфа изготавливаются из тяжелой твердой древесины, способной противостоять ударам меча, и могут различаться формой сечения, весом и пропорциями, хотя и в небольших пределах. Гораздо заметнее дистанцированы друг от друга школы и стили работы с этим оружием, но лишь преобладанием каких-то одних элементов над другими. Перевес в сторону тычковых, круговых либо полнооборотных движений с прокруткой рукояти в кулаке создает неповторимый пространственный рисунок и может служить отправной точкой для идентификации стиля. Также в некоторых случаях применяется тонко проработанная техника перехватов тонфа за длинный или короткий конец с использованием поперечной рукояти для остроумных зацепов, заломов, болевых замков и удушений. Именно этот раздел взят на вооружение полицией многих стран, применяющей его для фиксации и конвоирования задержанных преступников.

Тем, кто знаком с техникой каратэ любого стиля, не составит особого труда освоить работу с тонфа, поскольку все манипуляции с зажатыми в кулаках брусками полностью повторяют классическую базу боков и ударов «китайской руки». Дополнительной проработки потребуют лишь обороты оружия вокруг рукояти как оси вращения, да хитрые перехваты, зацепы и скрутки. Данный раздел предоставляет обширное поле деятельности любителям изо-

бретать собственные комбинации и сочетания известных приемов, так как довольно сильно зависит от личных особенностей телосложения и склонности к тем или иным способам убеждения противника.

Однако, как и во всех боевых искусствах, кажущаяся простота скрывает под собою необходимость многолетнего упорного труда, и даже вполне элементарное движение типа прямого удара *цуки* или блока *агэ-укэ* требуют тысячекратных повторений при самом внимательном, критическом и вдумчивом отношении. Только при таком подходе незамысловатые рукоятки дадут своему владельцу стопроцентную возможность побить **любого** противника — хоть с ножом, хоть с ломом в руках. Остается добавить, что издревле особенным мастерством в изготовлении и применении тонфа на Окинаве славились район Цукэнситахаку и близлежащий островок Хамахига. Это нашло отражение в названии одной из самых популярных ката — Хамахига-но-тонфа. В настоящее время тонфа-дзюцу входит как обязательный раздел в программу ряда школ традиционного каратэ.

Скованные одной цепью,
Связанные одной цепью...
(песня)

Нунчаку в современном мире завоевала столь громкую популярность, что трудно отыскать на Земле уголок, где всякий мальчишка не знал бы этого простого восточного оружия. Ничто более не может соперничать с нунчаку по известности, основу которой положил, как принято считать, победоносный Брюс Ли, продемонстрировавший всему миру с экрана виртуозную работу дотоле неведомым инструментом. Начавшийся вслед за этим повальный бум привел в итоге лишь к тому, что уголовные кодексы большинства стран признали нунчаку холодным оружием со всеми вытекающими юридическими ограничениями*.

В глазах неискушенной публики нехитрые дубинки предстают сегодня чем-то вроде «абсолютного оружия», хотя в действительности дело обстоит совершенно иначе. Этот факт нашел отражение даже в специальной (для служебного пользования) справочной литературе, где работникам следственных органов и судов рекомендуется в каждом конкретном случае учитывать степень владения

* *Всё сказанное было справедливо еще 15–20 лет назад, однако сегодня подзабыт и Брюс Ли со всеми его фильмами, и сама нунчаку, плохо это или хорошо. Современная молодежь разлюбила, к счастью, таскать в рукаве сии дубинки, и уж тем более оттачивать хитрую технику их использования. НО - имейте в виду: если полиция обнаружит при вас нунчаку, вы рискуете получить реальный срок за ношение холодного оружия ударно-дробящего типа!*

предметом, поскольку эффективность и опасность нунчаку находятся от этого в самой прямой зависимости*. Человек, впервые взявший в руки финку, может, не напрягаясь, уложить на месте и двоих, и троих, но если он размахнется нунчаку, то наверняка прибьет лишь самого себя. Попав же случайно по противнику, в худшем варианте оставит того с огромной болезненной шишкой на самом красивом месте — неприятной, но безопасной для жизни. Убийство в данной ситуации может носить исключительно непреднамеренный характер. Однако с ростом тренированности эффективность действий с нунчаку растет так стремительно, что очень скоро начинает превосходить любые ножи, ломы, топоры и прочий страшный инвентарь. Умелая работа «палочками на веревочке» производит гипнотическое впечатление, способное отрезвить самого отпетого агрессора, не говоря уж о том, что первый *реальный* удар вдребезги разбивает кисть вооруженной руки, а второй проламывает кости черепа, что не раз проделывали окинавские жители, разделившие злую судьбу своего острова.

История нунчаку аналогична и параллельна истории тонфа. Первоначально идея соединения двух или более дубинок гибкой связкой зародилась, как и многое другое, в Древнем Китае, где нашла воплощение во множестве вариантов этого, так называемого, «секционного» оружия. Поведя свой жизненный путь от обыкновенного крестьянского цепа для обмолота рисовых снопов, оно вскоре превратилось в самостоятельное и обширное семейство в длинном ряду боевых приспособлений. Но китайцы не были бы китайцами, не создай они бесчисленного разнообразия таких предметов, хотя основных разновидностей не так уж много. Прежде всего, секционное оружие возможно классифицировать по числу элементов в связке —

* Только не думайте наивно, будто упомянутые служители Фемиды будут на вашей стороне и отнесутся к вам объективно и милосердно. Скорее, наоборот — на вас повесят все смертные грехи и парочку нераскрытых эпизодов с пробитыми черепами.

от двух до двенадцати и более. Однако наращивание количества переводит снасть в иное качество, приближая ее к цепям и лишая существенных преимуществ. Реально заслуживают внимания только двух- и трехзвенные варианты. Длина каждой отдельной дубинки и их взаимные пропорции не играют особой роли и слабо влияют на технику использования в бою. Здесь можно упомянуть двухзвенный шест *лянцзегунь* с длиной плеч до одного метра, а также чрезвычайно популярный, эффективный и знакомый нам по многочисленным китайским фильмам трехзвенный *саньцзегунь* с 60-сантиметровыми секциями. Известными мастерами орудовать им были все те же шаолиньские монахи.

Окинавцы, поставленные в невыносимые условия категорическим запретом на ношение любого режущего оружия, как никто сумели оценить и развить идеи китайцев, воплотив их в незначительно измененном виде в то, что известно сегодня цивилизованному человечеству как нунчаку. Китайский прототип отличается чуть более длинной (два-три кулака) связкой между брусками, и именно его мы наблюдаем в руках Брюса Ли. Окинавский стандарт составляет один кулак (около 10 см) при длине

брусков до 34 см. Классической островной нунчаку, вероятно, следует признать восьмигранные дубинки с небольшим конусным сужением от конца вовнутрь, соединенные тонким шелковым (теперь капроновым) шнурком указанной длины*.

В прежние века окинавское простонародье не знало токарных станков, тем более по металлу, поэтому популярны и весьма удобные в работе современные изделия с вертушками на шарикоподшипниках, да еще с возможностью угловых компенсаций, никак не могут считаться традиционными, равно как и точеные круглые нунчаку с поясками для удобства удержания. Оружие, оснащенное цепочкой, гораздо тяжелее, так как требует для сохранения баланса нагружать внешние концы брусков заделкой свинца или насадкой массивных стальных (латунных, бронзовых) колец. Зато такая штука позволяет уверенно ловить цепью ножи и другие острые предметы, способные перерезать шнурок, а также формирует существенно более жесткий захват конечностей противника (и шею тоже) — вплоть до перелома. Увы, именно «цепные» экземпляры приводят служителей закона в особенный гнев и навлекают на бедовую голову неосторожного носителя кары гораздо более тяжкие, чем в случае с якобы безобидными веревочками.

Таким образом, повсюду мы видим и сильные, и слабые стороны. Если же принять во внимание индивидуальность пропорций тела, физического потенциала и личных

* Канавки посередине брусков - чисто авторская рационализация, предназначенная для удобства и надежности охвата пальцами при вращениях.

вкусов, то перед желающим освоить своиравные нунчаку открывается самый широкий выбор.

Техника работы, как и в случае с шестом, также может быть условно поделена на окинавскую и китайскую, характерные особенности которых нам уже известны. Китайский метод — это виртуозная ловкость непрерывных эллипсов, восьмерок, перехватов и переводов оружия с одного уровня на другой, из плоскости в плоскость, а в целом — явное преобладание скоростных круговых ударов в самых немыслимых ракурсах. Движения сливаются в один нескончаемый полет, сопровождаемый шелестом воздуха. В окинавском подходе заметна большая доля тычков как одним, так и двумя брусками одновременно, очень часты захваты руки противника в замок, удушения с забросами шнурка вокруг шеи (*дзимэ-вадза*), и прочие вариации ближнего боя. Обусловлено такое отличие все той же разницей исходных исторических условий. Вести бой на средних и дальних дистанциях с вооруженным мечом противником означало смертный приговор. Оставалось одно — отведя скользящим движением фатальный клинок, тотчас входить в ближний бой с максимально концентрированным *цуки* либо захватом. Чисто внешне окинавская работа выглядит лаконичней, жестче и основательнее, хотя на деле ни то, ни другое течения не уступают друг другу. В конечном итоге, гораздо больше значат личные качества мастера, нежели стилевые нюансы, тем более что отчетливой границы провести невозможно.

Однако практика показывает, что существует изрядный, но малозаметный для неопытного глаза разрыв между действительным и мнимым мастерством. Многие из тех, что приходят сегодня заниматься в группы кобудо, часто уже владеют в какой-то степени техникой нунчаку из-за простоты ее изготовления и наличия достаточного числа брошюрок с описанием базовых приемов. Опять же, видеопрокат предоставляет массу кинофильмов, в которых свист цепей и дубинок заполняет большую часть экранно-

го времени. Но, как и полагается, такие фильмы оказывают доверчивым энтузиастам скверную услугу, поскольку кино и жизнь есть вещи диаметрально противоположные, и мы видим на экране не реальную эффективную технику, а увлекательное трюковое шоу. При этом актер вполне может быть первоклассным мастером — попросту он действует по законам жанра.

И вот, хотя человек способен ловко и замысловато вращать и перехватывать из руки в руку свое оружие, при ближайшем рассмотрении обычно выясняется полнейшее отсутствие четко поставленного удара, а о блокировках и говорить не приходится. То есть налицо всего-навсего недурно отработанное умение жонглировать предметом. Результатом подобных движений может быть лишь подбитый глаз, ушибленная рука и лиловые шишки на поверхности вашего оппонента. Реальная техника нунчаку требует долгой, монотонной, скучной, болезненной и вдумчивой тренировки на месте и в перемещениях, с открытыми глазами и вслепую, быстро, медленно и так далее. Особенно тщательно следует прорабатывать кистевые движения, ибо сильная кисть и гибкое запястье — единственный ключ к сердцу капризных палок. Но как раз это и отсутствует у большинства доморощенных мастеров. Нелишне помнить о том, что без владения собственным центром тяжести (“животом”, *хара*) нечего и думать о достижении истинной мощи в ударах и неуловимой легкости в блоках и перехватах. Также не стоит заниматься нунчаку и только нунчаку — это тупиковый путь. В старину каждый мастер являлся универсалом, одинаково успешно орудуя как голыми руками, так и любыми предметами. Невозможно достичь успеха в одном, игнорируя все остальное. В китайской песне говорится:

*Сын хорошего лучника
Сначала должен плести корзины,
Сын хорошего литейщика
Сначала должен шить шубы.*

На практике отличные результаты дает нехитрый метод. После занятий, скажем, с шестом, следует на какое-то время позабыть о нем и переключиться на тонфа, ханбо или что-либо еще. Зато потом, вернувшись к технике шеста, вы будете приятно удивлены качественным прогрессом, возникшем словно ниоткуда. На самом деле внутренняя подсознательная работа никогда не прекращается, продолжая где-то в глубине шлифовку и фильтрацию усвоенного материала. Он неспешно сортируется и раскладывается по полочкам, обогащаясь одновременно иными, но родственными элементами. Поэтому, усиленно тренируясь с нунчаку, вы тем самым точите технику, скажем, ханбо, и наоборот — ведь базовые перемещения, позиции и работа с «точкой» одинаковы для всех стилей кобудо и каратэ.

Особенное значение в нунчаку-дзюцу имеют упражнения на снарядах, так как, в отличие от иных разновидностей оружия, секционные предметы слабо контролируемы и опасны для владельца. Все современные защитные приспособления в комплекте с легкими пластиковыми нунчаку, помимо того, что стоят немалых денег, способны лишь испортить ученику реальную традиционную технику. Скорее всего, такая оснастка годится исключительно для спортивных соревнований и не имеет к подлинному боевому искусству Окинавы ни малейшего отношения. Из упомянутых же снарядов наилучшим образом зарекомендовали себя набитые песком пополам с опилками отрезки пожарного рукава большого диаметра, длиной полтора-два метра. Будучи подвешенным, такой рукав позволяет наносить все типы ударов на любом уровне, а также производить удушающие захваты. Но особенно хороши в этом качестве отрезки гимнастического каната, связанные параллельно в жгут по несколько штук вместе. Разумеется, идеальной мишенью мог бы служить борцовский манекен из натуральной кожи, полностью имитирующий человеческую фигуру, но беда в том, что через пару недель интенсивных тренировок дорогостоящая снасть расплзется на лоскуты.

Вообще же при занятиях с нунчаку основной упор следует делать не на ломовую силу ударов, а на ловкость, скорость и точность. Такую точность, чтобы вы могли чувствовать дистанцию до сантиметра и были бы способны снести огонек сигареты, не повредив ее. Тренировки с напарником сводятся к отработке блоков от любого холодного оружия, включая ножи, а также захватов его рук и шеи. Искусство это хитрое, требующее тонкого понимания противника и отменной проворности в движениях. Лучшим подспорьем здесь служит базовая техника айкидо и дзю-дзюцу. В бою против нескольких противников, да при наличии обширного пустого пространства, известные преимущества может дать умение работать с двумя нунчаку, но это высший пилотаж, доступный искушенному мастеру. Стоит заметить, что в такой круговерти мы лишаемся возможности совершать перехваты из руки в руку (поскольку обе заняты) — а ведь именно «стянутое» положение типа *мусо-камаэ* или *маки-камаэ* обладает наибольшим потенциалом для нанесения сокрушительных ударов.

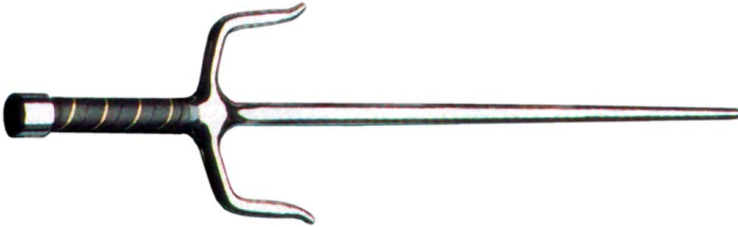
Таким образом, стремление овладеть старой окинавской игрушкой оборачивается на деле необходимостью посвятить ей часы, дни и годы самоотверженного, порой болезненного труда — к счастью, вполне благодарного.

А вот еще бывают и такие девайсы.
Очень удобно носить, однако — абсолютно криминальная штука.

Взял он вилы и топор,
И отправился в дозор.
П. Ершов. Конек-горбунок

Из металлического оружия Окинавы самым известным является стальной трезубец *сай* с длинным, до 40 см, центральным клинком (точнее, прутом) и отходящими от него в стороны двумя фигурными усами *ёки*, образующими нечто вроде гарды. Рукоятка длиной в один кулак заканчивается овальной либо заостренной шишкой, позволяющей наносить точечные удары.

Традиционный окинавский *сай* должен быть непременно цельнокованным из единого куска металла, однако современные фирмы, производящие спортивное оружие большими сериями (например, «*Kwon*»), попросту приваривают *ёки* к выточенному на токарном станке прутку с последующей термообработкой, шлифовкой и хромированием. Несмотря на привлекательный внешний вид, такие *сай* нельзя считать абсолютно традиционными. Вдобавок головка рукояти у них всегда цилиндрическая (как на фото), с плоским торцом, не способствующим фокусировке удара.

Сай-дзюцу как обязательный раздел входит, наряду с бо-, тонфа- и нунчаку-дзюцу, в программу большинства старых школ окинавского каратэ. Прежде мастера носили обыкновенно сразу три сай — два для фехтования обеими руками и один — в качестве запасного либо метательного оружия. Техника работы с этими, довольно увесистыми, предметами требует гибких, крепких кистей и стро-

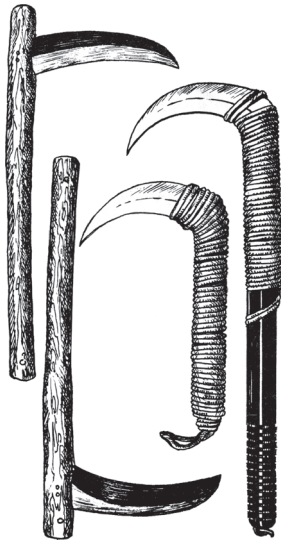
ится на переходах клинка с прямого на обратный хват посредством проворота вокруг большого пальца. Именно этой цели служат плавные изгибы и пропорции «усов», позволяющие к тому же захватывать, словно в ловушку, оружие противника. Наиболее действенными атакующими приемами являются прямые тычковые удары и мощные круговые выбросы изнутри наружу, то есть из базового обратного хвата — на прямой. Для блокирования чаще всего используется взятый обратным хватом сай, клинок которого лежит вдоль предплечья, от кисти до локтя.

Будучи кованы из добротной стали, трезубцы в руках мастера давали шанс не просто выжить в бою с опытным фехтовальщиком, но одержать уверенную победу в схватке с несколькими противниками. История умалчивает, откуда возникла идея такого оружия и техника работы с ним, хотя ряд источников непосредственным предком сай называют металлическую вилку для рыхления почвы либо ритуальные трезубцы «ваджра», бывшие религиозным атрибутом.

Полезно помнить, что человек, задавшийся целью овладеть искусством сай-дзюцу, не добьется решительно ничего, если для начала не освоит хотя бы базовой техники любого стиля каратэ, так как никогда за всю историю Окинавы эти дисциплины не существовали отдельно одна от другой.

Менее известным, хотя даже более грозным, чем сай, является серп *кама* — вероятно, самое эффективное оружие после меча. Недаром его так любили предусмотрительные реалисты ниндзя, да и самураи охотно пополняли им классический арсенал. Даже отдаленно не напоминая привычный европейский серп, окинавский *кама* более всего похож на миниатюрную косу для одной руки или на ледоруб с заточкой нижней кромки клюва.

В отличие от сай или нунчаку, серп есть орудие труда в чистом виде, без каких-либо существенных особенностей конструкции, хотя и существуют различия между исконно крестьянским и боевым серпами. Рукоятка перво-

го заметно короче, вытянутой грушевидной (часто, но не всегда) формы, а небольшой клинок изогнут вниз, как клюв попугая. Второй имеет длинную прямую рукоять и более длинный, мощный клинок, размеры которого могли быть весьма впечатляющими, подстать хорошей косе.

Как и сай, серпы являются парным оружием (кроме шпионских *гусари-кама*). Арсенал приемов с ними обширен и замысловат, но базовый принцип всего один — передняя рука отводит оружие противника в сторону, а вторая атакует круговым движением с протяжкой на себя или без таковой. Следова-

тельно, поражающее действие серпа проявляется в точечном клевке, способном пробить стальной шлем (что гораздо успешнее делали в средневековой Европе с помощью клевцов) или в подрезающем ударе, особенно эффективном, когда целью были руки, ноги или шея. Из-за неприятной особенности серпов обходить препятствие своим длинным клювом, их размахи чрезвычайно трудно блокировать. Если же добавить к этому основательность, обусловленную плотной посадкой древка в ладони, и парность предметов, то становится понятным, отчего мастера *кама* довольно легко побеждали рядового самурая, вооруженного одним мечом.

Коварные ниндзя модернизировали серп, добавив к нему длинную цепочку с грузом на конце — и сразу получили иное оружие, именуемое *гусари-кама*. Его невозможно было использовать в паре, зато возникли неожиданные варианты с хитрыми захлестами цепью ног и рук врага, а также обратный вариант, когда сам серп раскручивался широкими кругами, поражая все и вся на значительном рас-

стоянии. Правда, остается неясным вопрос, каким образом происходила ориентация клинка острием строго по ходу движения. Помимо чисто боевого применения, эта снасть могла также использоваться в качестве дополнительной точки опоры как забрасываемый наверх якорь, что характерно для «невидимок», стремившихся к максимальной универсальности своего зловещего инвентаря. Кстати, вслед за ниндзя и многие самураи успешно освоили *гусарикама* в качестве подсобного оружия, компактного и легко маскируемого в одежде.

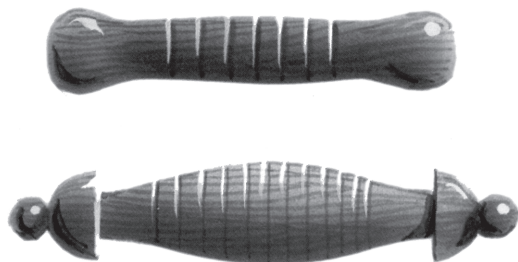

К сказанному остается добавить лишь то, что более нигде в мире, а уж в Европе и подавно, мы не встречаем применения подобного оружия. Да и на японских островах, включая Окинаву, подлинных мастеров кама-дзюцу совсем немного, во всяком случае, гораздо меньше, чем знатоков прочих традиционных техник.

Помимо перечисленных разновидностей «древнего искусства» обращения со всевозможными предметами, как превращенными в оружие, так и бывшими им изначально, существует изрядное число других «дзюцу», в том числе вполне экзотических. Японцы не были бы японцами, не доведи они каждое из таких направлений до абсолютного совершенства, при котором решающее значение придается даже самым мелким нюансам и деталям движений, что и породило в итоге высокую эффективность подобных систем. В качестве иллюстрации можно назвать *танто-дзюцу* (работа с ножами), *сюрикэн-дзюцу* (искусство метания предметов), *явара-дзюцу* (работа с короткой ладонной палочкой), *тэкко-дзюцу* (работа с кастетами), *ходзэ-дзюцу* (искусство связывания противника), и многое другое. Причем в

каждом конкретном случае мы имеем дело с развитой традицией, школами, патриархами, и так далее, чего никогда не знал Запад.

Вот как выглядит упомянутая *явара*, эдакая “ладонная палочка”:

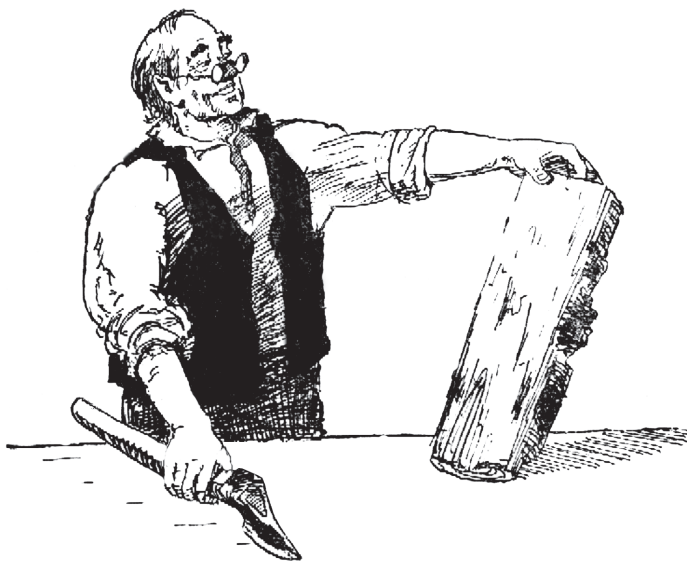

Она может иметь и такую дизайнерскую форму, или быть просто прямой, например — из бамбука со срезанными наискось концами. Техника изощренная, требующая хорошей базовой подготовки в боевых искусствах вообще, так как орудовать придется в ближнем бою, в тесном контакте с крепким и опасным противником. Используется для четких снайперских ударов по точкам (нервным узлам) и для парализующих ущемлений сухожилий, мышц и тонких костей. Очень больно и чрезвычайно эффективно.

Так или иначе, большую часть своей долгой истории человек прошагал с оружием в руках, что является такой же неотъемлемой частью бытия, как еда, питье или строительства жилищ. А потому и искусство обращения с ним ценилось всегда и повсеместно. Вероятно, так оно и будет впредь — пока не изменится сама наша грешная натура.

Технология оружия кобудо

Хоть зубочистка сделана из криптомерии,
век ее недолог!

Японская поговорка

Пошел по лесу треск да стук,
И слышно за версту проказу.
Орешника, березняка и вязу
Мой Мишка погубил несметное число.
А не дается ремесло!

И. А. Крылов. Трудюбивый медведь

Пушкинский Гвидон ответственно подошел к выбору материала для изготовления зенитного орудия, выбирая дубовый сук. Возможно, благородный тис или упругая орешина дали бы лучшие результаты, но и без того технически грамотный князь достиг поставленной цели, а его изделие блестяще, словно «Стингер», сразило низколетящую маневренную цель. Злой чернокнижник пал в морскую пучину, а у нас появился повод поговорить о конструктивных особенностях традиционного окинавского оружия и материалах для его изготовления.

Очень даже может быть, что красный японский дуб, фернамбук или розовое бразильское дерево не знают равных в качестве сырья для выделки оружия, но мы с вами живем несколько севернее, и поэтому выбирать станем из того, что предлагает нам родная природа. А предлагает она, кстати сказать, совсем не мало. Основным поставщиком качественной древесины служат, конечно, южные районы страны — Кавказ, Закавказье и Карпаты — все сплошные горы. И надо сказать, положила руку на сердце, что некоторые образцы древесных пород по всем показателям дадут сто очков вперед экзотическим палкам из далеких стран.

Перед тем как приступить к непосредственным рекомендациям, нужно хотя бы приблизительно очертить круг интересующих нас характеристик древесины, поскольку далеко не все из них имеют для ценность.

Так, нам абсолютно безразлична стойкость породы к гниению, поражению плесенью и жучками, наличие или

отсутствие в ней полезных или вредоносных смол, и так далее. Также нас мало волнует цвет древесины и красота текстуры, равно как и склонность к короблению. Последний фактор необходимо учитывать лишь при изготовлении длинных предметов — *бо* и *джо*, в остальных же случаях пропорции оружия позволяют не обращать внимания на подобные мелочи.

Вместе с тем целый ряд аспектов является определяющим в вопросе выбора той или иной породы. Это: твердость, прочность, солидный удельный вес и вязкость, которая зависит от особенностей внутреннего строения каждого конкретного вида. Последний параметр настолько важен, что способен перечеркнуть все прочие выдающиеся показатели, о чем и будет подробно рассказано ниже.

Итак, наиболее жесткие требования предъявляются, как уже отмечалось, к длинным разновидностям оружия — шестам и палкам. Если древесина имеет склонность к поводкам и короблению на протяжении длительного периода времени после сушки и изготовления из нее собственно предмета, то для выделки *бо* и *джо* она не подходит, так как вас не обрадует метаморфоза, превратившая через год или два замечательный звонкий шест в отвратный, ни к чему не пригодный штопор. Я сознательно упомянул процесс сушки, ибо все попытки работы с естественно влажной древесиной заранее обречены на провал как перевод времени и ценного сырья. Менее всего склонна к поводкам древесина, заготавливаемая, как это и положено (и как от века делалось на Руси) в самые трескучие морозы, то есть в январе и феврале, когда количество соков в стволе минимально. Но на деле мы лишены возможности узнать что-либо на этот счет, поскольку торгующие организации и сами того не ведают. Если же вдруг вам приспичит лично рубить заготовки для будущего арсенала, имейте сие в виду. Из доступных нам пород более всего коробится береза, поэтому ничего, кроме *ханбо* и прочих коротышек из этой, в целом вполне пристойной лесины, творить не стоит.

Шесты и палки входят в соприкосновение на чрезвычайно высоких скоростях, а поэтому и требования прочности, твердости и вязкости к ним предъявляются весьма высокие. Эта замечательная тройка лишь на первый взгляд состоит из похожих друг на друга характеристик. На самом деле каждая из них подразумевает свой спектр поведения материала в условиях резких ударных нагрузок.

Твердость (применительно к древесине) есть свойство сопротивляться ударным воздействиям, которые приводят к образованию вмятин и других нарушений поверхности. Изделия из твердого материала при контакте издают резкие сухие щелчки, легко отличимые от «размытого», тусклого звучания при встрече мягких палок. К сожалению, твердость часто сопровождается отсутствием вязкости, выводя из употребления некоторые прекрасные породы (впрочем, смотря для чего). Но когда деревянное оружие используется как средство защиты от металлических, особенно острых предметов (мечи, сабли), то именно твердость выступает на первый план. Только исключительно твердая палка даст вам шанс остановить смертоносный полет клинка.

Прочность и вязкость в нашем случае являются очень близкими критериями, а различие состоит в том, что прочность есть понятие более широкое, относящееся ко всему оружию целиком, тогда как вязкость предполагает, скорее, свойства поверхности в ударной зоне. Говоря о прочности, например, шеста, мы имеем в виду, что он не разломится пополам от молодецкого удара по темени противника, или нунчаку не брызнет осколками при встрече с кирпичом, коль скоро приятели подобьют вас на глупую демонстрацию. Также прочность орудия определяет надежность защиты от вражеских атак, когда дело касается прямых подставок и вообще жестких блоков. Многие породы деревьев являются прочными, но одного этого, к сожалению, мало.

Вязкость древесины определяется ее внутренним строением, а проявляется она в том, что ваш предмет не будет

подвержен образованию трещин, сколов, отслоений и прочих заноз. В известной степени вязкость зависит от плотности и однородности материала, но это не главное. Главным же является *волокнистость* структуры, при которой в принципе не могут образовываться сколь угодно протяженные трещины и отколы. Лучшие, веками опробованные породы — ясень, граб, акация, кизил — как раз и отличаются волокнистой структурой, и недаром мудрые предки мастерили из них древки копий и прочие ответственные элементы вооружения. Классические полицейские дубинки в США делались, по свидетельству О'Генри, именно из акации. Всякий, кому доводилось обрабатывать упомянутые породы, наверняка принял муку мученическую, тщетно пытаясь добиться гладкой поверхности изделия с помощью рубанка. Любая степень остроты лезвия, кроме бритвенной, неизбежно приводит к выдиранию части длиннейших волокон, направленных к тому же эдакими прихотливыми извивами. Но зато в жестоких боевых мытарствах волокнистое строение проявляет себя во всей красе, награждая изделие всем спектром заманчивых свойств — упругостью, прочностью и вязкостью. Если к этой компании присоединяется твердость (что бывает не всегда), то лучшего и не пожелаешь.

Ни ясень, ни граб, ни акация никогда не породят колких заноз и щепок, способных (как, например, в случае дуба) пронзить руку насквозь. Их «потомство» всегда словно бы немножко размочаленное, будто спрессованное из множества эластичных ниток. Именно благодаря волокнистой плетенке трещины попросту не в состоянии вытягиваться на большое расстояние от своего истока, а вынуждены умирать во младенчестве. Берёза также имеет подобное волшебное строение, но в девяти случаях из десяти, если не чаще, ее древесина легкая и мягкая. Поэтому-то добротная ясеневая нунчаку достаточно свободно перебивает березовый черенок от лопаты диаметром 40 мм — но, повторяюсь, лишь в том случае, когда мы имеем дело с простой среднестатистической березой, по-

сколько мне попадались отдельные образцы, тяжестью и твердостью не уступавшие чугуну. Вообще в пределах одной породы механические свойства древесины могут быть фантастически разными, и я не удивлюсь, если где-нибудь отыщется липовая палка, превосходящая самшит, хотя и вряд ли. Но, как сказал Станислав Лем: «Миллионы раз человек копал картошку, так что, по теории вероятности, существует ничтожно малый шанс, когда картошка станет копать человека».

Если вам доводилось пару часов подряд гонять в руках битый-перебитый шест, то проблема наличия или отсутствия заноз (или даже вероятность их появления) не покажется незначительной мелочью.

Плотность и удельный вес также представляются родными братьями лишь на первый взгляд, но реально чрезвычайно плотная древесина вполне может оказаться неожиданно легкой (та же береза, ольха, клен, орех), а тяжесть пористого дуба известна каждому. Однако чаще всего эти молодцы гуляют рука об руку, словно геи, и тяжеленное полено обнаруживает также невиданную плотность структуры, точно его спрессовали. Кизил и самшит — отличный пример совокупности ценных параметров. Строго говоря, плотность желательна в тех случаях, когда оружие очень тесно взаимодействует с ладонями, поскольку при этом мельчайшие неровности и поры представляются горами и провалами, создавая целый сонм неприятных ощущений. Поэтому, скажем, рукоятки тонфа не рекомендуются изготавливать из дуба, и лучшим материалом для них служат абрикос, груша или яблоня, в полированном виде напоминающие пластик. Есть еще масса похожих пород (в основном — фруктовые), но об этом ниже.

Величина удельного веса древесины определяет, насколько тяжелым будет ваш аргумент. Всякому ясно, что деревянное оружие должно быть увесистым, и чем весомее, тем лучше. Как известно, удельный вес пресной воды составляет 1 г/см^3 . Соответственно, нас интересуют поро-

ды с удельным весом от 0,7 до 1 и более, хотя в это «более» войдут разве что уникальные виды наподобие экваториального черного дерева или нашей закавказско-крымской фисташки, известной также как «кевовое дерево», живущее 1000 лет и имеющее древесину аж в 1,11 г/см³. Даже пресловутый самшит, лихо тонущий в воде, не может похвастаться значением большим, чем 0,97.

Если же отвлечься от всей этой экзотики, то для качественной реальной работы любого уровня более чем достаточны величины удельного веса 0,8-0,9 г/см³. В этот интервал попадает большинство славных пород, список которых я и привожу. Разумеется, любой дендролог наверняка отыщет в нем пробелы и упущения, но даже то, что предлагается вашему вниманию, есть баловство и излишества, так как я не представляю человека, который отправился бы в таинственные дебри Талыша за какой-нибудь редкостной породой. Скажем прямо — ясеня, акации и дуба с буком нам хватит выше головы, притом что абсолютное большинство населения, попадая в лес, не сможет отличить лавровишню от рябины.

Итак, вот перечень пород лиственных деревьев, которые однозначно подходят для традиционного оружия:

Айва — древесина светло-желтая, твердая, хорошо полируется;

Альча — древесина розовая, твердая, тяжелая, крепкая, плотная;

Акация — древесина желтая, волокнистая, тяжелая, прочная, твердая;

Береза — древесина волокнистая, вязкая, упругая. 0,65 г/см³;

Боярышник — древесина твердая, тяжелая, хорошо полируется;

Бук восточный — древесина прочная, упругая, однородная. 0,7 г/см³;

Граб кавказский — древесина твердая, однородная, вязкая. 0,78 г/см³;

Граб восточный (грабинник) — древесина мелкослоистая, тягучая, крепкая, тяжелая, не колется. 0,81 г/см³;

Гранат — древесина желтая, плотная, тяжелая, блестящая. 0,92 г/см³;

Дерен мужской (кизил) — древесина однородная, плотная, тяжелая, мелкослоистая, прочная. 0,97 г/см³;

Дуб (Гартвиса, грузинский, имеретинский, каштанолистый, восточный, пушистый, скальный, длинноножковый, обыкновенный) — древесина прочная, упругая, тяжелая. 0,75–1 г/см³;

Клекачиha колхидская — древесина твердая, тяжелая. 0,82 г/см³;

Клен языкогорный — древесина твердая, тяжелая. 0,7 г/см³;

Лавровишня — древесина твердая, тяжелая, плотная, но ядовитая;

Парротия колхидская («железное дерево») — древесина розовая, твердая, прочная, тяжелая. 0,78 г/см³;

Рябина глоговина — древесина красноватая, прочная. 0,8 г/см³;

Самшит колхидский — древесина желтая, прочная, плотная, тяжелая, мелкослоистая, однородная. 0,97 г/см³;

Фисташка туполистая («кевовое дерево») — древесина твердая, тяжелая, плотная. 1,11 г/см³;

Хмелеграб обыкновенный — древесина бурая, прочная, твердая, тяжелая. 0,89 г/см³;

Яблоня — древесина плотная, однородная, тяжелая, вязкая;

Ясень — древесина волокнистая, твердая, прочная, тяжелая, вязкая;

Повторяю — специалист назовет вам еще два десятка вполне замечательных представителей флоры, великолепно подходящих для выделки традиционного оружия, но помнить наизусть длиннейший перечень пород вовсе необязательно, так как более или менее отчетливое знание основных характеристик древесины дает нам четкие кри-

терии для оценки любого полена, попавшего в руки каким угодно путем и в каком угодно виде. Есть ряд общих правил, используя которые вы не рискуете попусту затратить силы и время на изначально негодную палку.

Правила эти просты: ни одна из хвойных пород априори не годится для наших целей. Я не знаю, в чем здесь дело, но только все отпрыски душистого племени, от обыкновенной ёлки до благороднейшего можжевельника, имеют, хотя порой и чрезвычайно плотную, но мягкую и лёгкую древесину. Один лишь тис снискал любовь на полях сражений туманного Альбиона как прекрасное сырье для знаменитых длинных английских луков, но секреты производства метательного оружия нас не интересуют. К сожалению, очень многие любители боевого искусства, не будучи искушенными в определении породы дерева «на глаз», то и дело попадают в ловушку, старательно выстругивая свои шесты и бокены из общедоступной всенародной сосны — и проливают горькие слёзы, отправляя их в мусор после второго или третьего занятия. Они же бывают просто счастливы, раздобыв где-нибудь тяжеленную и крепкую лиственничную заготовку, которая по всем показателям словно бы самой судьбой назначена для воинских утех. Но! — именно прекрасный дар сибирских лесов готовит несчастным весьма зловещую и коварную своей неожиданностью западню. Дело в том, что отвечающая решительно всем нашим требованиям лиственница обладает одним-единственным качеством, разом перечеркивающим все прочие достоинства и **категорически** выводящим эту отличную породу из сферы оружейных интересов. А именно — лиственничная древесина состоит из слоёв, настолько различающихся своей твердостью, что порождает в итоге зловердный эффект. Спустя недолгое время после начала работы таким оружием оно

расслаивается, превращаясь в плотный с виду пучок ничем не связанных лент, каждая из которых является настоящим подобием тонкой стальной полосы с бритвенно острыми кромками. Одно-единственного такого «лезвия» вполне достаточно, чтобы вспороть неосторожную ладонь до кости, или спустить с руки кожу не хуже акулы-людоеда. Поэтому никогда, ни при каких условиях не соблазняетесь лиственницей, а если сомневаетесь в определении принадлежности вашей заготовки к подходящей породе, лучше проконсультируйтесь у знающего приятеля, чтобы не мчаться потом в травмопункт, заливая спортзал и окрестности собственной кровью, к недоумению и ужасу очевидцев.

Из прочих пород похожим строением обладает и широко распространенный на наших южных улицах и в перелесках вяз. Хотя его древесина, как и у лиственницы, чрезвычайно тверда, прочна и увесиста, ее внутреннее строение напоминает чередование слоёв железа и ваты, что приводит в итоге к тому же самому расслоению, правда, без образования длинных тонких «клинков». Но острые и невероятно упругие иглы отщепов также не принесут вам радости, будучи вполне подобны дикобразым.

Имея в виду вышесказанное, легко сформулировать еще одно важное требование к древесине, из которой вы намереваетесь мастерить свой арсенал. Это свойство — *однородность* строения, при которой отсутствует существенная разница между теми или иными участками либо слоями по твердости, плотности и удельному весу. Как раз полное несоответствие данному критерию и преграждает путь лиственнице и вязу в светлые чертоги боевого искусства. Разумеется, однородность не допускает также наличия всевозможных сучков, раковин, местных уплотнений и прочих странностей, так как именно по их границам чаще всего происходит образование трещин и разрушение изделия в целом.

Что любопытно: ширина годовых колец (то есть скорость прироста дерева) практически не оказывает влияния

на его прочность и тяжесть, хотя мелкослоистая древесина все же предпочтительнее. Но по богатому собственному опыту могу сказать, что мне приходилось иметь дело и с акацией, и с дубом, которые, при наличии весьма и весьма пространных годовых слоев, обладали просто феноменальной вязкостью и весом. Длительная эксплуатация тонфа, изготовленных из этого материала, также дала самые лучшие результаты — два года интенсивных занятий выдержит далеко не всякая палка.

Точно так же никак не влияет на механические свойства цвет, указывающий на принадлежность заготовки к внутренней либо внешней зоне ствола (ядру или заболони), и в каждом конкретном случае вопрос должен решаться индивидуально, применительно к данной лесине. Лично мне попадался как шоколадно-коричневый, так и снежно-белый дуб, обладающие одинаковой каменной твердостью и весом, хотя светлая древесина (заболонь) чаще более вязкая, тягучая, и обрабатывать ее рубанком сущая мука.

Длинные разновидности оружия

К таковым относятся все шесты (*бо*), палки *джо* и *ханбо*, *бокены*, а также, по совокупности предъявляемых требований, — древки копий, нагинат, алебарды и тому подобных предметов.

Если вы собираетесь заняться изготовлением всего этого арсенала, вам нелегко будет подобрать качественную заготовку, прямослойную и лишенную сучков. В идеале все образующие палку волокна и слои должны равномерно тянуться от одного торца шеста к другому. Даже небольшая косослойность рано или поздно приводит к разрушению изделия по диагонали, и чем больше угол пересечения слоев с продольной осью шеста, тем скорее это произойдет. Во избежание подобных неприятностей заготовки, например, для бокэнов должны быть гнутыми, а не выструганными, иначе вам не удастся соблюсти прямослойности деревянного клинка.

К сожалению, очень мало пород удовлетворяют подобным требованиям. Из реально доступных годятся лишь те, что имеют от природы высокий прямой ствол без низко расположенных боковых веток и сучьев. Почти идеален в этом смысле бук. Всякий, кому доводилось бродить в горных буковых лесах, не мог не любоваться торжественной колоннадой светло-серых стволов, уходящих идеально ровными «карандашами» на высоту 15–20 метров, где только и начиналась собственно крона. Поэтому неудивительно, что буковые доски совершенно лишены сучков и являют собою образец прямослойности.

Относительно долговечности буковых изделий могу сказать только то, что в нашем клубе такие шесты прослужили верой и правдой больше трех лет, и пока не обнаружили склонности к умиранию. Они битые, избилуют вмятинами, время от времени требуют небольшой профилактической шлифовки, но явных заноз, трещин или отколов нет в помине.

Акация и ясень обладают еще более выдающимися данными, но ясень не образует достаточно длинных прямых стволов без сучков и задоринок, поэтому реально говорить о выделке из него лишь бокэнов и джо, но никак не шестов. Наши славные предки, жившие в эпоху безграничного изобилия какой угодно древесины, могли себе позволить изготавливать ясеневые древки копий и бердышей, по праву считавшиеся наилучшими, но в теперешние, скудные лесами времена почти невозможно отыскать подходящую заготовку. Приблизительно такая же картина и с акацией*. Хотя и колючая разновидность (не дающая воспетого поэтами цветения), и любимая белогвардейцами ее душистая сестра возносят ровные и толстые прямые стволы на завидную высоту, наблюдать эту соблаз-

* В наших широтах под привычным названием «акация» принято объединять две разных породы: Робинию лжеакацию (ту, что цветет душистыми белыми гроздьями), и Гледичию, которая украшена пучками ужасных колючек, а осенью дает обильный урожай длинных стручков с семенами.

нительную картину мы можем почти исключительно в городских парках, вход в которые с бензопилой отчего-то запрещен. Промышленных же посадок акации не существует (лесополосы не в счет, тамошние деревья отчего-то всегда болезненные и мелкие), а потому раздобыть вожделенные желтые доски и брусья можно лишь каким-нибудь варварским пиратским способом, решиться на который способен разве что истинный вандал и фанатик. Поэтому не мечтайте о шестах из акации, довольствуясь лишь коротким оружием из этого дара южной природы.

Тот, кому претит брать в руки подвергнутый механической обработке гладкий блестящий шест, могут попытаться отыскать в лесах Абхазии или Краснодарского края (еще лучше — в Адыгее) ровные и длинные стволы старого кизила, который бывает иногда прямым, как струна. Это орудие, будучи правильно высушенным, прослужит и вам, и вашим детям — такова несравненная прочность и долговечность твердого и тяжеленного «Дерена мужского», как правильно зовется кизил по науке. К тому же подобный естественный шест, созданный самой природой, обладает идеальным внутренним строением со всей его прямолинейностью и однородностью, а о том, как приятно держать в руках не знавшую прикосновения стали жердь, можно писать поэмы. Единственная операция, которую вам придется произвести с кизиловой палкой — это лишить ее коры и слегка пошлифовать поверхность. Собственные ладони и время завершат отделку лучшим образом.

Что касается распространенного и доступного дуба, то количество его разновидностей выглядит весьма впечатляюще, и точно также велико разнообразие механических свойств. Поскольку никакой нормальный человек в здравом уме не в состоянии на глаз отличить «дуб имеретинский» от «дуба скального», то не стоит пускаться в объяснения зависимости кондиций древесины от ее принадлежности к той или иной породе, тем более, что нам приходится иметь дело не с кудрявыми лесными великанами, а с их жалкими останками в форме пиломатериала-

лов. Поэтому определять качество последних мы вынуждены исключительно опытным путем, наощупь, и везение играет здесь существенную роль.

Сама по себе дубовая древесина не столь уж суковата, но относительно прямослойности — чего нет, того нет. Мне почти не доводилось встречать у дуба той замечательной прямизны строения, что ласкает взор при взгляде на бучковые доски, а потому и подобрать добротную заготовку для шеста или копья бывает затруднительно. К тому же твердая, прочная и тяжелая древесина дуба отнюдь не плотна, а насквозь прострелена крупными продольными капиллярами, собранными в чередующиеся слои. Как раз по ним и происходит в свой срок разрушение ваших боканов и нунчаку, потому что наряду со многими прекрасными качествами дуб обладает, к сожалению, заметной хрупкостью, каковая начисто отсутствует у ясеня или акации в силу их волокнистого строения. Увы — зловерное свойство выталкивает дуб с первых позиций в списке предпочтительных для оружия пород, оставляя за ним вторые (а порой и третьи) роли. Дубовые тонфа выдерживают максимум один год напряженных тренировок — правда, справедливости ради нужно отметить, что ударные нагрузки при этом достигают предельных значений.

Существует также изысканный обходной путь, позволяющий даже из далеко не первоклассной древесины получать превосходные шесты и прочие длинные палки — речь идет о клеенных изделиях, состоящих из нескольких продольных сегментов. Если такой предмет изготовлен со знанием дела, то его живучесть и стойкость превзойдут самые радужные ожидания. Особенных секретов здесь нет. Главное — соединять отдельные части так, чтобы их структура была бы разнонаправленной относительно друг друга. В этом случае возможное желание одного сектора искривиться в какую-нибудь сторону тотчас компенсируется активным нежеланием его соседей подчиниться странному капризу. Аналогично и с трещинами, которые будут иметь вольную волю лишь в пределах данного фрагмента.

Строго говоря, древки копий и т.п. в обязательном порядке должны быть клееными и никакими иными — если только речь идет о настоящих рабочих предметах, а не об экспонатах домашнего музея.

Кстати, при покупке любого деревянного оружия нужно отдавать себе отчет в том, что ничего вечного в природе не существует, и какие бы деньги вы ни отвалили за прекрасный инвентарь, неизбежно настанет день, когда вам придется поджарить на нем шашлык или просто отправить в печку. Это совершенно естественный финал для хорошо пожившего инструмента, а вопрос качества определяет лишь продолжительность его жизни. Разумеется, если ваши драгоценные палки никогда не испытывают злых столкновений с себе подобными, то у вас есть шанс передать их дрожащими руками собственным правнукам.

Итак, подводя краткое резюме всему сказанному, будем помнить, что:

 для изготовления длинных видов традиционного оружия (более одного метра) годятся лишь немногие породы дерева, обладающие полным набором характеристик — прочностью, твердостью, упругостью, вязкостью, однородностью и плотностью строения, и вдобавок — прямолинейностью по длине, от торца до торца. Данному перечню удовлетворяют следующие представители растительного царства (в порядке убывания предпочтительности): **ясень, акация, граб, бук и дуб**. Возможно использование березы, но только редких, тяжелых и твердых ее образцов, имеющих желтоватый цвет и какую-то особенную костяную полупрозрачность. Из экзотики — кизил, самшит, магнолия, айва и прочие чудесные растения, если вам посчастливится добыть заготовки подходящих размеров.

 в любом случае древесина должна быть естественно просушена (то есть в тени под навесом или в помещении, но никак не в горячей сушильной камере) с выдержкой не менее одного года, иначе ваше полированное сокровище через короткое время поведет и скрутит самым отчаянным образом.

 во избежание тех же искривлений шести (равно как и прочий деревянный инвентарь) не следует хранить в сырых кладовках и чуланах, так как от подобного сбережения даже идеальный бильярдный кий приобретает весьма затейливые очертания. Прочное лаковое покрытие в значительной степени (но не полностью) предохраняет оружие от неблагоприятных атмосферных воздействий, однако требует постоянного обновления, особенно в ударных зонах.

 никакой, даже самый высококачественный предмет не вечен, и если речь идет о рабочем инвентаре, то рано или поздно ему приходит конец, независимо от породы дерева, из которого он был изготовлен.

Короткие разновидности оружия

Что касается коротких разновидностей оружия — всех этих нунчаку, тонфа, саньцзегунь, явар и так далее, то сами их невеликие размеры сильно облегчают подбор материала и дают в наши руки такую богатую палитру пород, что разбегаются глаза. Разумеется, и здесь испытанные ясень с акацией и грабом выходят на одно из первых мест, но, наряду с ветеранами, гораздо большую роль начинают играть предельно тяжелые и твердые виды — самшит, кизил, фисташка, клекачиha, хмелеграб и прочие диковины. Не будем сейчас говорить о доступности тех или иных пород, так как для кого-то кизил привычнее ёлки, а кому-то добыча простой дубовой доски представляется неразрешимой задачей.

Разумеется, и в данном случае ни о каком диагональном залегании слоев не может идти речи, так как короткое оружие подвергается, в отличие от длинного, более жестким, «сухим» ударам из-за того, что скорости здесь несравненно выше, особенно у нунчаку. Поэтому вероятность раскола дубинок наискось возрастает весьма значительно, и опыт лишь подтверждает печальные теоретические выкладки. Но, наряду с крайне желательной идеальной прямослойностью, гораздо более прив-

лекательной для коротких видов оружия является ее антитеза — абсолютная кривослойность или, говоря по-научному, свилеватость древесины. Этим красивым словом обозначают такое внутреннее строение, когда вместо привычного регулярного чередования слоев мы видим некую мешанину из спутанных причудливейшим образом волокон и их групп. Очевидно, что в подобном хаотичном месиве, где само понятие направленности теряет смысл, никакая трещина не может развиваться в принципе. Изделие из прочной свилеватой древесины вообще не может быть разрушено обычным способом. Конечно, если изо всех сил молотить нунчаку по бетонной стене или положить их под трамвай, то бруски будут попросту размочалены, но трещин и переломов вы от них не дождетесь. К сожалению, свиль является редчайшей редкостью, и образуется почти исключительно в так называемых *капах* (наплывах) на стволах деревьев, или же в результате неведомых, до конца так и не понятых учеными процессов непосредственно в толще древесины. Все знают карельскую березу, но только безумцу придет на ум идея выстругивать из нее дубины, а вот попытаться отыскать ясеневый или буковый кап, чтобы пустить его в дело, вполне реально.

Понятно: чем короче оружие, тем легче подобрать для него что-нибудь эдакое, особенно прочное и тяжелое, так как вес предмета по мере убывания габаритов приобретает все большее значение. Так, крохотные явара, строго говоря, не стоит изготавливать из чего-либо иного, кроме самшита, кизила, фисташки и прочих «железных» деревьев — разве что вы вовсе не собираетесь наносить ими никаких ударов, а только надавливать на жизненно важные точки на теле врага.

Поскольку техника тонфа предполагает некоторое количество блокировок в виде прямых подставок, то нетрудно вообразить, какой твердостью должна обладать их древесина, чтобы надежно останавливать концентрированные удары меча — ведь мы говорим о настоящих, тра-

диционных тонфа, рассчитанных на схватку со своим историческим противником. Какими бы нежелательными ни были подобные блокировки, всегда нужно предполагать худший вариант развития событий, и никаких сомнений в качестве собственного оружия не допускается.

Почти все фруктовые деревья обладают подходящей по прочности, плотности и однородности древесиной, но увы — часть из них оказывается недостаточно тяжелыми. Так, груша по всем показателям могла бы занимать одно из первых мест, однако ее замечательная плотность мягковата и слишком легка — в отличие от той же яблони. Всем знакомы легкие и долговечные деревянные ложки, традиционно выделяемые из груши, а тяжелая, будто кость, яблоня служит отличным материалом для изготовления корпусов рубанков и прочих деревянных приспособлений.

Относительно клёна следует сказать, что лишь высокогорная его разновидность по удельному весу годится для деревянного оружия, а древесина равнинных почему-то заметно легче при той же прочности и плотности.

К счастью, раздобыть небольшой чурбак из отжившего свой век ствола абрикосы, вишни или черешни несложно, и вы имеете реальную возможность обзавестись первоклассным инвентарем, обладающим к тому же привлекательным внешним видом и благородным происхождением. Нанося удары по голове злого агрессора, вы можете усугубить его страдания рассказом о том, что под этой самой сливой любил сживать ваш покойный дедушка, и что ее плоды были чудо как хороши.

Нет смысла перечислять все возможные виды растительности, пригодной для изготовления маленького оружия, так как в каждом конкретном случае вопрос должен решаться вами самостоятельно, исходя из уже известных требований. Но, если позволите, небольшой совет: не увлекитесь эстетической стороной дела, потому что вы рискуете постепенно впасть в безумие коллекционера, горя страстью приобретать все новые и новые орудия из все более прекрасных и удивительных пород. Вы станете тщательно

и вдумчиво развешивать свои дубины на стенах, любовно полировать их мягкой тряпочкой и незаметно для самого себя превратитесь из реального практика в обыкновенного Плюшкина, которого всякая вмятина на зеркальной глади редкостной тонфа ввергает в бездну отчаянья.

Если человек, выходя в ночную темноту навстречу однозначно возможной опасности, долго перебирает свой арсенал и мучительно размышляет, отдать ли ему предпочтение самшитовой нунчаку перед ясеновой, то можно заранее посоветовать оставаться дома и не искать приключений, поскольку его-то уж точно не спасет даже сандаловый агрегат с золотыми инкрустациями на тему древних битв. Всякий инструмент нужен для работы — вот и работайте над собой, даже если у вас в руках две тарные дощечки, перевязанные шпагатом.

Коль скоро речь зашла о ночных улицах, то прежде чем завершить разговор о коротком и длинном оружии и перейти к его эскизам, необходимо сформулировать парадоксальный и для многих неприемлемый тезис, а именно: никогда, ни при каких обстоятельствах не носите с собой никакого оружия (разве что в спортзал и обратно). Исключение из этого правила может быть только одно — когда вы силою обстоятельств вынуждены отправиться в какое-то место, где вас поджидает реальная, стопроцентно возможная и нешуточная опасность, либо вам заведомо предстоит с боем выручать из поганых лап вашего друга, жену, сына или кого-то столь же близкого и дорогого. Совсем нелишне в который раз повторить — любое оружие обладает мистической способностью притягивать ситуации и создавать вблизи себя обстановку, ищущую его применения. Это не теорема, это проверенный печальным опытом многих и многих факт, не требующий доказательств. Если вы, собираясь просто проводить подружку по мрачному району, засунете в рукав нунчаку, то можете быть почти уверены, что стычки не избежать. Не говоря уже о криминально-правовой стороне вопроса, способной обернуться для вас чрезвычайными неприятностями,

кровавый конфликт тотчас увяжется за вами по пятам, чтобы рано или поздно настичь в самом неподходящем месте, вынудив извлечь на свет породивший его окаянный предмет. Оружие, прихваченное «на всякий случай», очень быстро этот самый случай соорудит, чтобы показать свою страсть, нисколько не заботясь о вашей дальнейшей судьбе.

Есть старинная поговорка: «Отправляясь выслеживать тигра, убедитесь в том, что вы *действительно* хотите его повстречать». И еще: «Прежде, чем взбираться на спину дракона, подумайте, сможете ли спуститься обратно». Применительно к нашим проблемам это означает, что глупо и самоубийственно брать с собой оружие, если вы не готовы пустить его в дело со всей полнотой ответственности за исход баталии. Никогда не следует носить, а тем более обнажать оружие для того, чтобы просто напугать или произвести впечатление. Такая демонстрация собственной «мощи» с головой выдает вашу внутреннюю слабость, и подпорки из разных дубинок или даже клинков отнюдь не спасут.

Коль скоро вы отважились пуститься в опасный путь и *осознанно* прихватили что-либо из домашнего арсенала, то при возникновении соответствующей ситуации старайтесь до последнего оттянуть роковой момент, после чего применяйте вашу палку сразу, неожиданно и в *полную* силу, не задумываясь более о последствиях, иначе вы окажетесь немного мертвее, чем хотелось бы — ведь мы предполагаем, что опасность *действительно* предельная. При этом столь же осознанно будьте готовы дать правоохранительным органам ответ относительно обоснованности своих действий, ибо ношение холодного оружия у нас запрещено. Кстати, изготовление одного также образует состав преступления, так что имейте это в виду, переходя к изучению следующего раздела нашей программы — конкретных чертежей и эскизов традиционного оружия.

Все без исключения предлагаемые образцы вооружений прошли длительную проверку в самых жестких условиях, а потому вовсе не нуждаются в дополнительной

реvisions своей геометрии и прочих параметров. Если говорится, что рукоятка тонфа должна иметь такую-то форму, то из этого следует, что всякие изыски с вашей стороны лишь ухудшат ее свойства. Не позволяйте шкодливому бесу дизайна совать свой нос туда, где он заведомо способен только навредить, не изобретайте велосипедов, используйте уже придуманное и испытанное временем.

Мифический герой Сёки заточивает меч

Бокэн, субурито, синай

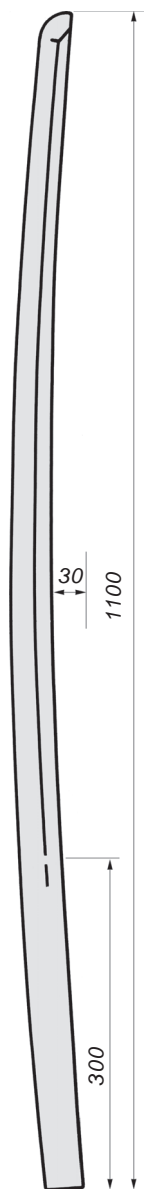
Поскольку историческим противником традиционного оружия кобудо был и остается большой самурайский меч, мы не можем пройти мимо техник работы с ним. Его полномочный представитель в тренировочном процессе — классический бокэн или, точнее, бокуто — является такой же необходимой принадлежностью всякого приверженца «древнего искусства», как тонфа, нунчаку, шесты и прочие палки.

Изготовить деревянный меч несложно, а соблюдение некоторых тонкостей, как и правильный подбор материала, обеспечит вашему детищу продолжительную жизнь — года два, если не больше (при условии интенсивных занятий). Самыми предпочтительными породами дляделки бокенов будут: **граб, ясень, акация, бук, дуб**, а также и остальные, перечисленные в обзоре пород, в том числе экзотические.

Разумеется, проще выстругать криволинейный профиль из заготовки, используя специальный «горбатый» рубанок, но при этом мы получим наклонное направление волокон, при котором слои обрываются на выпуклой стороне изделия. Долго такому бокену не жить, и в один «прекрасный» момент у вас в руках окажется жалкий обломок. Чтобы избежать подобной участи, заготовка должна быть предварительно изогнута в распаренном виде на оправке, высушена в течение одного-двух месяцев и только потом пущена под нож*. Если брусок имел прямо-слейную текстуру без изъянов, то рожденный им бокен легко выдержит сотни и тысячи ударов, не расколовшись и даже не треснув.

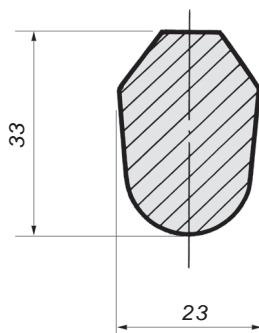
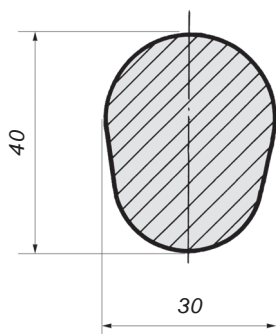
Теперь о геометрии. Максимальное по толщине и ширине сечение приходится на переходную зону рукоят-

** Идеальный случай — когда заготовка естественным образом искривлена в нужной степени, и никаких дополнительных операций не требуется.*

ки в собственно клинок, затем оно плавно истончается. Сечение самой рукоятки также немного уменьшается к торцу, который следует обойти фаской и слегка закруглить кромку полоской наждачной бумаги. Собственно, весь профиль изделия образуется посредством строгания небольшими рубанками (прямым и «горбатым») с доводкой наждачной лентой. Степень прогиба клинка определяется расстоянием от спинки до прямой линии, соединяющей острие с торцом рукоятки. Среднее значение равно ширине клинка, однако любители необычного могут увеличить или уменьшить его в полтора-два раза, соорудив для себя либо особенно кривой, либо почти прямой бокэн.

Общая длина колеблется от 100 до 110 см, но не соблазняйте легкостью и простотой манипуляций с короткими клинками. Большой меч потому и назван большим, а применительно к российским стандартам телосло-

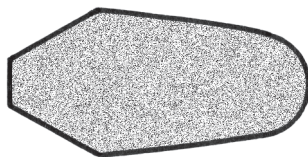

жения можно говорить о его увеличении даже до 120 см. Нет ничего комичнее, чем коротышка в лапах нашенского дуболома ростом под потолок, коему гораздо больше подошла бы оглобля в шесть сажу. Длина меча должна быть такой, чтобы для его извлечения из ножен (реального или воображаемого) доставало бы руки, а требовалось подключать плечевой пояс и все тело в целом. Мода на укороченное оружие пошла из Америки и Европы, где толпы адептов экзотического дива попросту облегчили себе жизнь, не вдаваясь в исторические и технические тонкости. Между тем в руках настоящих мастеров мы видим очень даже длинные клинки, кривые и зловецкие.

Готовый бокэн следует покрыть лаком, чтобы защитить древесину от зимней сырости и пересыхания жарким летом. Другой, более традиционный и эстетичный способ — пропитать поверхность растительным маслом (лучше всего льняным, но подойдет и подсолнечное) в несколько сеансов с промежуточными выдержками от двух до пяти суток. Эти масла относятся к разряду сохнущих и, помимо пропитки, создают долговечную защитную пленку. А эстетика упомянута здесь вот почему: пропитывая древесину, масло чудесным образом делает ее полупрозрачной, выявляя скрытые нюансы текстуры. Кроме того, если сушить изделие на открытом солнце, может меняться (точнее, становиться более насыщенным и ярким) цвет. Например, красное дерево, подвергнутое подобной процедуре, приобретает дивный вишневый оттенок, недостижимый никаким иным образом.

Но для полноты счастья обычного бокена мало. Чтобы ваш прогресс был ошеломляющим, необходимо обзавестись также специальным утяжеленным мечом «субури-то» для практики в субури. Это не что иное, как длительное и монотонное размахивание мечом сверху-вниз, направленное на развитие силы, постановку дыхания, правильной

геометрии ударов и всего тела в пространстве. Воспевать чудесное упражнение можно долго и красноречиво, а глубинных аспектов его воздействия на человека наберется не один десяток, но вкратце стоит сказать, что тот, кто игнорирует эту рутинную, многотрудную работу, длящуюся порой и час, и полтора, никогда не постигнет глубин владения традиционным мечом.

Внешне субури-то напоминает бокэн с немного расширенным, как весло (до 50–60 мм), клинком. Длина также увеличена — порядка 115–130 см, а рукоятка обыкновенная, бокэновская.

Махать подобным чудищем — занятие неслабое, но я знаю людей, которые постоянной практикой достигли того, что им уже мало дубового субури-то, а хочется чего-нибудь покруче. Во всяком случае, после этих игр простой меч кажется невесомой безделушкой. Однако некоторые школы пользуются еще более экстремальными методами, включив в арсенал утрированно толстый бокэн, заслуживающий скорее названия бревнышка. Держать его неудобно и трудно, но польза фантастическая, поскольку кисти рук вынужденно приобретают обезьянью цепкость, а захват становится воистину железным.

Есть еще один инструмент, причем достаточно древний, специально предназначенный для парной работы, попросту говоря — для нанесения партнеру полновесных ударов без риска травм (синыки не в счет, и потом — заниматься этим принято в защитном снаряжении).

Имя ему — *синай*, а отцом-создателем считается эдосский мастер меча Наканиси Тюзо, впервые применивший синай в 1750 г. с единственной целью: сократить до минимума травмы. Даже бокэн не снимал проблему полностью, будучи какой-никакой, а все же увесистой дубиной, да еще с особой формой сечения и прогибом, концентрирующими ударную мощь. Известно, например, что некоторые мастера применяли бокэн в качестве боевого оружия и отправляли им на тот свет противников, вооруженных боевыми мечами. Вероятно, вы слышали об одном из них — некто Миямото Мусаси, который под конец кровавой карьеры взалкал мира, отказался от стали, однако продолжал успешно проламывать черепа посредством древес (самый знаменитый из убиенных — легендарный Сасаки Кодзиро, не перенсший удара в голову сырым веслом).

Конструкция синая специально рассчитана на минимальное воздействие при максимальном внешнем эффекте, каковой проявляется оглушительным треском. И не мудрено: меч набран из четырех длинных, толстых пластин сухого бамбука, расходящихся перед цубой, подобно рессоре и стянутых лишь в трех местах, включая рукоятку (см. фото). Для условного обозначения спинки «клинка» вдоль нее натянута нить, когда-то шелковая, теперь капроновая леска.

Тем не менее синай отнюдь не пушинка, а его удары вполне чувствительны.

Шесты, ханбо, джо (гзэ)

Длинные разновидности оружия слишком просты, поэтому нет никакой необходимости в дополнительных чертежах или эскизах обыкновенных палок — вполне достаточно рассказать об их диаметре, длине и материалах. Впрочем, относительно древесины, из которой лучше всего изготовить все эти штуки, подробно написано выше. Тем не менее совсем нелишне еще раз повториться — наряду с общими требованиями (прочность, твердость, вязкость и значительный удельный вес) для такого оружия *решающее* значение приобретает прямослойность и равномерность внутреннего строения по всей длине, от торца до торца, а такие вещи, как сучки, исключаются категорически. В силу этого из обоймы пород выпадает большая часть, не образующая протяженных ровных стволов без малейшего изъяна. Лучшее, что может предложить родная природа, это: **акация, бук, граб, дуб и кизил**. При всех замечательных качествах граб, как относящийся к семейству березовых, способен давать сильные поводки (искривления) при высыхании, поэтому для изготовления шестов и тонких *джо* его древесина должна быть предварительно просушена самым тщательным образом, причем двояко — сперва естественно, а затем уже в горячей сушильной камере. Толстые и сравнительно короткие *ханбо* нетребовательны к исходному материалу, для них можно попытаться отыскать что-нибудь особенно гламурное из обширного перечня крепких фруктовых и экзотических южных пород.

Даже не думайте изготавливать деревянное оружие из ливственницы или вяза, прельстясь их прочностью и тяжестью, иначе уже на пятой-шестой тренировке ваши руки станут похожи на пособие по травматологии и поглядеть на них приведут студентов мединститута.

Габариты шестов таковы: длина от 6 до 8 сяку (182–240 см), диаметр — 30 мм. Если вы сторонник окинавской традиции, то оружие должно быть толще посередине (до

33 мм), равномерно сужаясь к торцам до 25 мм. Поэтому окинавский шест не очень удобно гонять в руках, выполняя дальние выносные удары, которые составляют основу китайских техник (китайский шест имеет одинаковый диаметр по всей длине). Окинавская работа жестка и компактна, а ладони реже меняет исходное положение.

Классические *джо* (дзё) имеют длину 150 сантиметров при толщине 25–27 мм. Из-за малого диаметра они весьма чувствительны к качеству исходной древесины, особенно к ее влажности, а также к атмосферным капризам в виде дождей и туманов. Если шесты можно (при условии хранения и использования в сухом помещении) оставлять в естественном виде, так сказать, голыми, то *джо* лучше покрыть стойким лаком, изолируя от воды в любом ее состоянии, в том числе от пота рук. Замечательные результаты дает описанная выше пропитка растительными маслами — если ее повторять регулярно, ваше оружие станет, во-первых, чуть тяжелее и крепче, а во-вторых, потеряет всякую зависимость от влаги, не говоря уже о неслыханной красоте текстуры.

Ханбо, а тем более *тамбо*, и вовсе непривередливы в отношении материала. Исключаются лишь сучки и косолойность, а найти короткую заготовку даже среди фруктовых пород не так уж сложно. Длина *ханбо* вовсе не равна, как это следует из названия, «половине *Бо*», то есть 90 сантиметрам, а доходит до 110. Зато диаметр поболее, чем у шеста — 35–37 мм.

Торцы любых палок следует аккуратно оформлять, снимая небольшую фаску и совсем немного закругля срез, что приводит к фокусировке удара на меньшей площади и, соответственно, к увеличению пробивной способности.

К древкам копий и алебард требования те же, разве что делать их лучше клееными из сегментов — меньше вероятность поводак, а сломать такую конструкцию раза в два, если не в три, сложнее, чем однородную палку, какого бы высочайшего качества она ни была.

Нунчаку

Откройте каталог любой крупной фирмы, производящей спортивный инвентарь, и в разделе, посвященном восточным единоборствам, вы сразу наткнетесь на бесчисленное множество разнообразнейших моделей нунчаку всех типов, размеров и цветов радуги. Хотя никаких принципиальных отличий между ними нет, поистине удивительна та бездна фантазии, которую вкладывают разработчики и дизайнеры в простейший предмет традиционного вооружения. Разница между классическим окинавским прототипом и всеми этими растленными детьми современности такая же, как между музыкальной установкой класса *Hi-End* с ее единственной рукояткой регулировки громкости — и пестрым стереокомплексом с таким количеством всевозможных степеней никчемного вмешательства в исходное звучание, что даже беглое ознакомление с ними занимает час или два.

На одном конце строя мы видим обыкновенные грабленые дубинки твердого дерева, соединенные простым шелковым шнурком, а на другом — фантастический агрегат с регулируемым балансом и весом, оснащенный титановой цепочкой и шарнирами на подшипниках с угловой компенсацией. Коль скоро о чем-то и можно сказать: «Это от лукавого», — так как раз о нем. Веками незамысловатое орудие верой и правдой служило простонародью и степень его эффективности целиком и полностью зависела от личного мастерства, а не от материала или формы предмета.

Рассмотрим основные параметры нунчаку.

 Длина дубинки колеблется в пределах от 30 до 35 см и зависит от длины конечностей владельца, а отнюдь не от моды или иных преходящих факторов. Расстояние между внутренними торцами (то есть длина связки) зависит от вашей принадлежности к окинавской или китайской традиции. Для Окинавы этот размер будет около 12 сантиметров, плюс-минус 2–3 см, в Китае же любили длин-

нее — до 20 см и более. Кому что нравится, но во всем есть положительные и отрицательные стороны: короткая связка делает оружие послушнее, зато длинная ощутимо смягчает технику и позволяет легче проделывать хитроумные перехваты, особенно с оборотами вокруг тела. Исходя из собственного опыта, я бы рекомендовал выдерживать расстояние между *конто* (внутренними торцами) порядка 15–16 см. Ко всему прочему, удлиненная связка дает шанс достать противника на больших дистанциях, что порой немаловажно.

 Форма брусков может быть самой разной, но классика — слегка конусный восьмигранник с размерами торцов 34 и 27 мм.

Как и в случае с сай, островитяне не имели токарных станков, поэтому круглые точеные дубинки не могут считаться традиционными. Круглые штыковины удобнее, но не стоит уступать соблазнам и увлекаться эргономическими изысками, тем более что изготовить граненые бруски под силу почти каждому, кто умеет держать в руках рубанок, а толкового токаря надо еще найти.

 Вес оружия определяется материалом, из которого оно выполнено. Для настоящих рабочих нунчаку вполне достаточно древесины с удельным весом 0,8–0,95 г/см³, что обеспечивает пригодность практически всех пород, перечисленных в нашем списке. Понятно, чем весомее будут палки, тем лучше, но до известных пределов. Запрессовка свинца в бруски делается не для их утяжеления, а чтобы выровнять баланс, компенсировав вес стальной цепочки и всего ее крепежа, буде вы предпочитаете «цепной» вариант. Излишняя тяжесть приводит к снижению скорости работы, а ведь нунчаку, прежде всего, скоростное оружие. Хотя я знал одного монстра, которому выточенные из цельного железа дубинки показались до смеш-

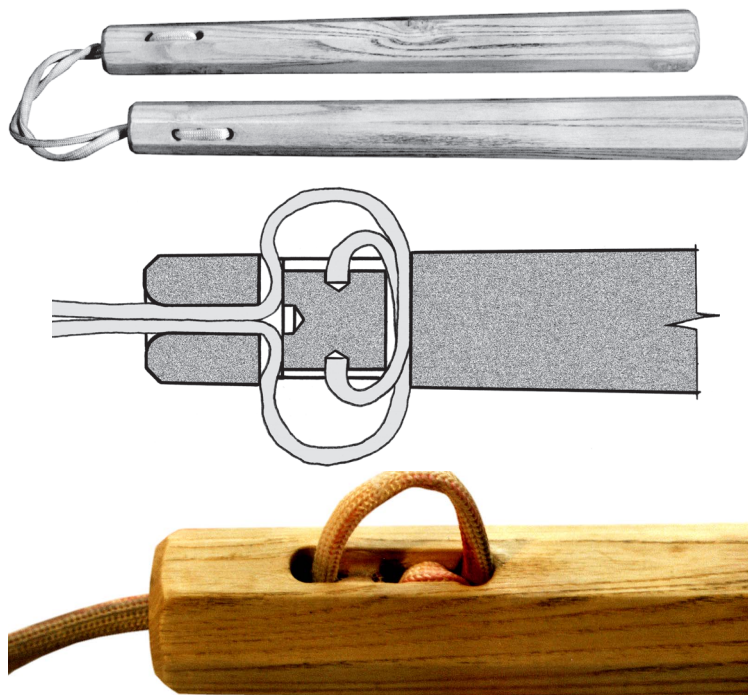
ного легкими и он заказал токарю высверлить их по всей длине, оставив минимальную стенку, после чего залил эти стаканы свинцом. Получилось нечто вроде трехкилограммовых гантелей на толстой цепи, но самое удивительное и пугающее состояло в том, что через некоторое время он мог технично и долго вращать ужасный девайс с приличной скоростью. То-то бы изумились окинавцы!

Для примера приведу навскидку несколько *самых* предпочтительных видов древесины, плотность, твердость и долговечность которых поистине вне конкуренции. Это: **самшит, кизил, ясень, акация, фисташка, граб, хмелеграб, абрикос, яблоня, горный клён.**

🔪 Насчет вида связки могу сказать — цепь сильна тем, что не разрезается бандитским ножом, а также удушать и ломать конечности ею гораздо удобнее, нежели шнурком. Но когда она крепится в бруске посредством наглухо вделанного кольца (самый простой вариант, как на фото), то работать подобным оружием чуточку неприятно из-за постоянных перекруток и резких соскоков крайних звеньев по кольцу, что вносит элемент неконтролируемости и случайности.

Цепь хороша только при наличии подвижного вертлюга, который свободно вращается в стальном или бронзовом стаканчике, надетом на *контю*. Особенный шик состоит в оснащении последнего шарикоподшипником, придающим вашей технике замечательную легкость и плавность. Но это, к сожалению, извращение. Настоящая нунчаку традиционно скрепляется прочным шнурком, который заплетается испытанным способом, для чего в торце высверливается одно центральное и два боковых отверстия.

Внимание! Кромки центрального отверстия следует скруглить и заполировать самым тщательным образом, иначе ваша веревочка перетрется через неделю, если не раньше. Еще лучше затереть эту опасную зону парафином от свечи или воском. В один брусок шнур продевается

элементарно, а способ заделки концов во втором бруске показан на рисунке. Надеюсь, он достаточно наглядно демонстрирует то, как перекрещенные концы затягивают и прижимают сами себя, причем тем надежнее, чем сильнее нагрузка.

С лучшей стороны зарекомендовали себя капроновые шнуры в виде плетеной «ёлочкой» трубки. Но пожалуйста, не уподобляйтесь богемным гитаристам, у которых остатки наспех вставленных струн беспорядочным облаком опутывают гриф и колки, то есть — в нашем случае — не навязывайте безобразных узлов по бокам нунчаку, как иногда поступают те, кто тщится выставить себя крутым мастером, которому не до всяких там мелочей. Это дешевое пижонство и неуважение к древнему оружию, не говоря уж об элементарной технике безопасности.

Приобретая фабричные дубинки, не лишне знать, что рыцари индустрии отнюдь не страдают бессонницей, коротая ночи в тяжких думах о нашем удобстве и безопасности. Подавляющее большинство промышленных нунчаку изготовлены с восхитительным легкомыслием. Например, упомянутые вертлюжки, позволяющие цепочке вращаться вокруг своей оси, обычно крепятся к торцу бруска коротенькими шурупами. А хоть бы и длинными: в таком направлении древесина работает плохо и, рванув что есть силы бруски двумя руками в стороны (стандартный тест на прочность связки), вы рискуете оказаться безоружным. Взгляните и судите сами:

Последнее: в отличие от других палок, нунчаку не надо покрывать лаком. Сделавшись от пота рук шероховатой, она только выигрывает в удобстве, перестав скользить в ладонях. Допустима одно- или двукратная пропитка маслом, чтобы оно не образовало покрывной пленки, а впиталось целиком.

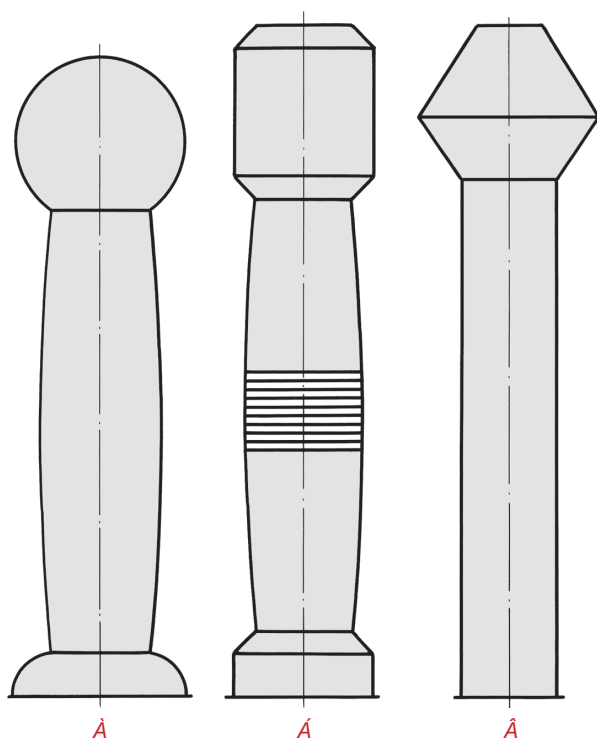
Тонфа

Тонфа — наиболее трудоемкий и специфический вид традиционного оружия, который, наряду с сай, может служить визитной карточкой окинавского кобудо. Не знаю, как поступали в древности, но сегодня для изготовления хороших тонфа совершенно необходим токарный станок: лишь с его помощью можно сделать нормальные рабочие рукоятки, удобные и не травмирующие руку.

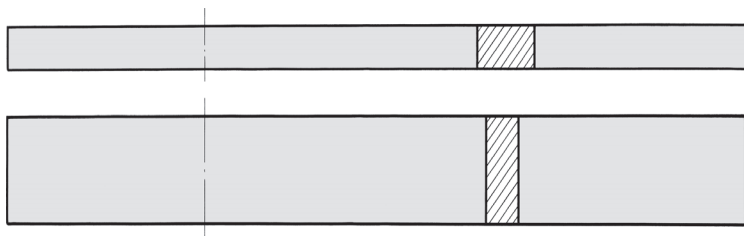
Материалом для самих брусков служат те же породы, что для прочего оружия, и чем тяжелее и крепче будет ваша заготовка, тем лучше. Относительно рукояток следует оговориться особо: для них годится только исключительно *плотная* древесина, которая в полированном состоянии похожа на пластмассу — **самшит, яблоня, клён, абрикос** и т. п. Это не каприз, а насущная необходимость, так как во время многочисленных вращательных манипуляций, которыми изобилует техника тонфа, даже мельчайшие неровности или шероховатость доставляют массу скверных ощущений и способны заметно влиять на чистоту и скорость работы. Именно поэтому поверхность рукояток не просто шлифуется, а полируется и затирается парафином. Это особенно касается нижней части головки, которая плотно прилегает к суставам большого и указательного пальцев. Любая иная степень чистоты поверхности, кроме идеально гладкой и скользкой, уже через час вращений приведет к образованию волдырей и кровавых ран, что подтверждается суровой практикой и не нуждается в дополнительных проверках с чьей бы то ни было стороны. Если это вас не тревожит, значит вы не работаете в полную силу, а просто слегка жонглируете предметом в свое удовольствие.

Соответственно, форма головки рукояти не может быть какой угодно. Если бы разработчики моделей тонфа большинства фирм удосужились немного поупражняться со своими детищами, они тотчас возвратились бы к чертежным доскам и внесли коренные изменения в проект-

ную документацию, поскольку ни одна из форм рукояток, показанных ниже и являющихся наиболее распространенными, попросту *неприемлема*. При длительном вращении все они выскользнут из руки вместо того, чтобы повиснуть на широком «грибке» головки. Вариант **Б**, кроме того, порежет кожу острой нижней гранью фаски, а вариант **В** из-за отсутствия утолщения в средней части создает отвратительное чувство пустоты в центре ладони и мешает полноценной доводке тычковых ударов. Он же не является достаточно прочным ввиду отсутствия нижнего опорного «воротничка», передающего часть срезающего усилия непосредственно в брусок и разгружающего наиболее опасную зону входа рукояти в массив тонфа.

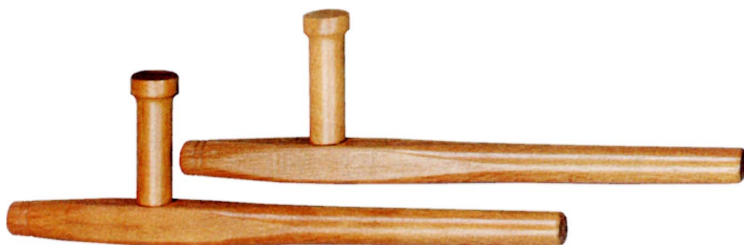
Форма сечения самих брусков не просто важна — принципиальна. Различные варианты прямоугольных дощечек, ориентированных по вертикали или горизонтали, мы даже не станем рассматривать, как некие курьезы. На

удивление популярная круглая форма также годится лишь для показательного исполнения ката и прочей мишуры, так как при малейшей попытке заблокировать обыкновенный удар дубиной сверху кругляк соскользнет с локтя, оставив предплечье на произвол судьбы. Охладить пыл противника качественной атакой или хотя бы перебить его оружие вам также не светит — сточенный на конус тонкий край бруска не обладает достаточным весом, и сильного удара не получится.

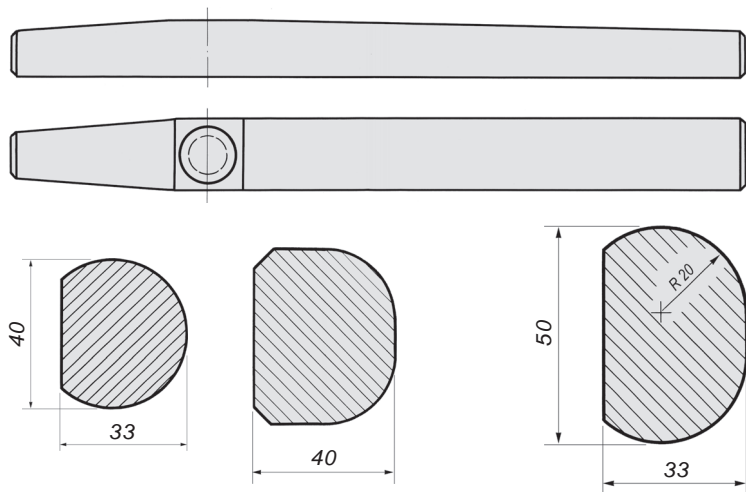

Вот как выглядят типичные бутафорские тонфа во всей красе. Ни тренироваться, ни воевать с ними невозможно:

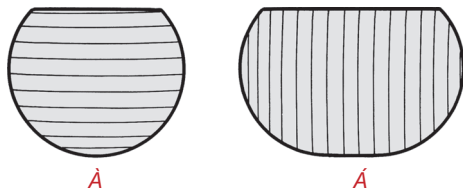

Практика показала, что единственно приемлемой формой остается прямоугольная со скругленным низом.

Скосы от рукоятки к торцам совершенно необходимы для того, чтобы при круговых оборотах палка не цепляла за локоть, и, поверьте, это отнюдь не мелочь.

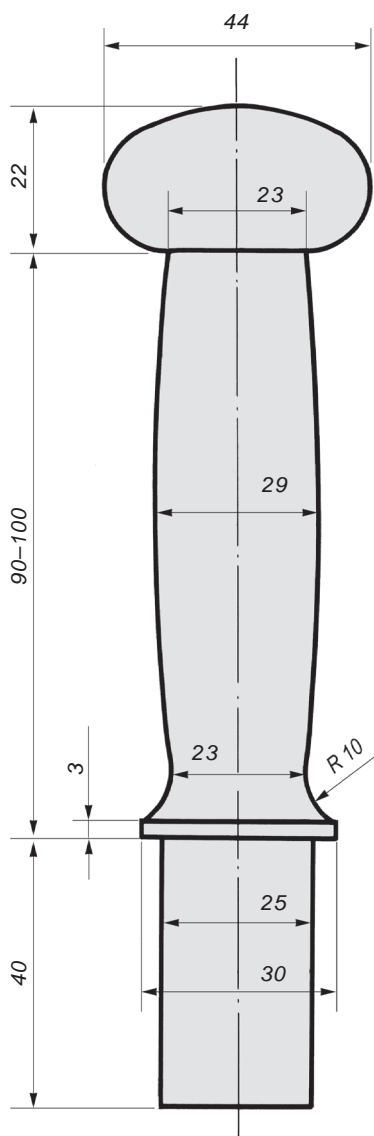
С точки зрения долговечности важное значение имеет ориентация слоев древесины. Поскольку на нижнюю часть бруска приходится большинство самых сильных и жестких ударов (во всяком случае, разрушение начинается всегда оттуда), то лучше ориентировать слои, как на рисунке «Б», чтобы их ребра встречали удары судьбы совместно, дружной семьей. Вариант «А» гораздо скорее начинает щепиться и расслаиваться, полностью выводя оружие из строя. Это же правило целиком и полностью относится к бокэнам, для которых играет, пожалуй, еще большую роль. Можно сказать, что в случае бокэна ориентация слоев вообще принципиальна.

В силу тех же соображений при посадке рукояти в брусок желательно располагать слои параллельно его продольной оси, так как срезающие усилия в момент концентрированного удара в тяжелую цель (мешок с песком или противник) достигают изрядных значений и груды сломанных рукояток лишнее тому подтверждение. Вообще же самыми прочными являются рукояти, выточенные из натуральной ветви соответствующей толщины, поскольку слои в ней идут по кругу, как полагается годичным кольцам.

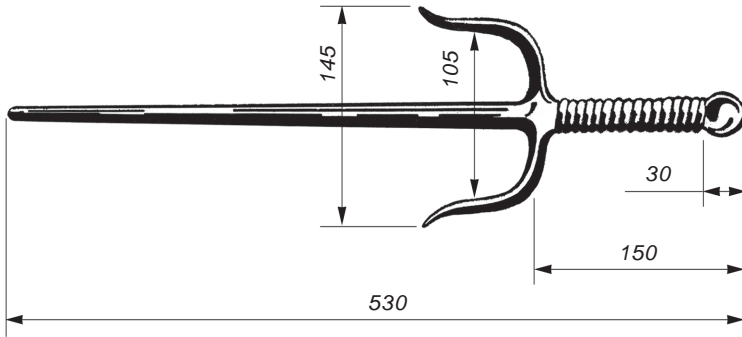
Основные габариты и пропорции тонфа таковы: общая длина бруска колеблется от 500 до 540 мм — это крайние значения для слишком коротких либо длинных рук, а базовый размер составляет 520 мм. Ось рукоятки отнесена от переднего торца на 130–135 мм.

Оптимальный диаметр самой рукояти и ее пропорции показаны на эскизе, а поперечник фрагмента, входящего в тело бруска, не может быть больше или меньше 25 мм. Увеличение этого размера влечет за собой необходимость увеличивать все остальное, а уменьшение чревато изломом в момент молодецкого цуки. И еще раз — *нижняя* сторона головки должна полироваться и затираться парафином самым тщательным образом, да и всю рукоять время от времени следует подшлифовывать тонкой наждачной бумагой и парафинить. Крепление рукоятки в бруске производится с помощью клея ПВА, поскольку он один дает прочную эластичную пленку. Поперечная шпилька вовсе не обязательна — она только ослабит и без того рискованное сечение. Опыт показывает, что даже сухое дерево через год-полтора подсыхает еще больше и сжимается так, что рукоять начинает слегка «гулять» в отверстии, а ее нижний торец высовывается из бруска примерно на 1 мм. Беда невелика: торец нужно сточить напильником, а рукоятку выбить и посадить на клей заново. Второго раза не будет — рабочие тонфа не живут дольше трех лет, а бутафорские экспонаты хороши в любом виде.

Многолетняя практика показала, что данные размеры и пропорции рукояток тонфа являются оптимальными и комфортными для абсолютного большинства занимающихся. Любые значительные отклонения от этого стандарта приводят либо к снижению прочности, либо к неудобству пользования. Исключения могут составлять рукояти, специально изготовленные под особо широкие или, наоборот, миниатюрные кисти рук, но даже в этом случае меняется только высота средней части. В первом случае она увеличивается до 105–110 мм, во втором — уменьшается до 80–85 мм. При этом следует помнить, что разница в 1–2 мм вполне ощутима и без индивидуальной примерки хороших результатов не добиться.

Сай

Перед вами своеобразная визитная карточка Окинавы — классический сай, один из немногих предметов вооружения, являвшихся полноценными соперниками роковому самурайскому мечу. Изготовленный из хорошей стали, он способен был выдерживать концентрированные удары клинка, сберегая и руки, и жизнь своего владельца.

Хотя в наши дни многие фирмы производят широчайший ассортимент разнообразных сай, их форма и основные пропорции остаются теми же, что двести лет назад, а небольшие вариации и лукавство дизайнеров несущественны. Это оттого, что геометрия сай выверена и не может быть изменена без катастрофической потери боевых возможностей и техники работы с предметом.

Здесь представлен базовый вариант, отвечающий эргономическим требованиям среднего человека. Только чрезвычайно большой либо малый рост и соответствующая длина конечностей потребуют изменить габариты в ту или иную сторону. Строго говоря, любое оружие должно подгоняться индивидуально, и сай не составляет исключения.

На эскизе не показаны следующие размеры:

- 🔴 диаметр клинка у рукояти 16 мм;
- 🔴 диаметр клинка у острия 9 мм;
- 🔴 диаметр «усов» у крестовины 12 мм;

- диаметр головки рукояти 25–30 мм;
- диаметр рукояти без оплетки 17 мм;
- диаметр рукояти с оплеткой 23 мм;

Кроме этого, есть ряд существенных моментов, которые необходимо соблюдать при изготовлении и учитывать при покупке фабричных сай, а именно:

 древние окинавцы не имели токарных станков и традиционный сай ковался из одного куска стали. Тем самым обеспечивалась монолитность и надежность изделия, чего не скажешь о современной продукции. Теперь абсолютное большинства сай имеют проточенный токарным способом центральный стержень, к которому приварены «усы». Это быстро, дешево и вполне отвечает прочностным требованиям, предъявляемым к тренировочному оружию. Такие сай имеют лишь один недостаток — они не подвергались закалке, поскольку сваривать каленые детали бессмысленно (при нагреве все равно произойдет отжиг и потеря прочности), а калить уже сваренную конструкцию того хуже — она часто трескается в районе шва. Поэтому, если кто-то желает обзавестись настоящими традиционными сай, ему придется искать умелого кузнеца и добрую сталь;

 относительно качества последней следует заметить, что, опять же, для тренировочного оружия подойдет любая безродная железка, но если вы хотите получить крепкие сай, то к подбору материала для заготовки нужно отнестись со всей ответственностью. Разумеется, существует множество подходящих марок, но совершенно незачем изыскивать нечто редкостное и диковинное, из чего делают лопатки газовых турбин или выпускные клапана корабельных дизелей. Сай — не клинок, у него нет заточенной кромки, которая должна долго сохранять остроту, поэтому и требования к металлу будут несколько иными. Во всяком случае, твердость не играет той решающей роли, какая отводится ей у мечей и кинжалов. Нам скорее заинтересует вязкость и упругость стали, ее способность

выдержать мощный удар, не согнувшись и не переломившись пополам. Исходя из этого, перечень марок, стойких к ударным нагрузкам, будет выглядеть следующим образом: У7, У8, У10, 30Х13, 40Х13, 65Г, 30ХГСА и так далее. В любом справочнике вы запросто отыщете еще три десятка наименований, которые вам все равно не раздобыть;

 передняя часть клинка никогда не затачивается на острие, точно шило. Перед вами не стилет и не штык, сай есть оружие универсальное, а колющие удары вовсе не являются единственными или главными в технике работы с ним. Поэтому передний срез клинка слегка закругляется или даже оформляется в виде плоского торца с небольшой кольцевой фаской. Заточив же клинок подобно игле, вы скорее првните собственное бедро или бок, нежели маневренную цель. Аналогично, головка рукояти (*цуккагасира*) представляет собой слегка вытянутую сферу, а отнюдь не излюбленные ленивыми промышленниками цилиндры или треугольные пирамидки.

Острия «усов» тем более не заостряются — во избежание хакакири;

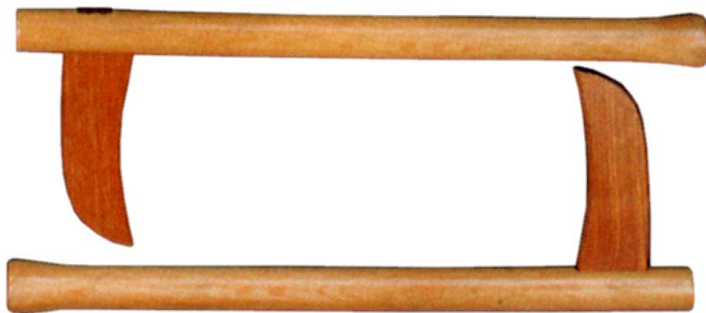
 форма рукоятки может быть как прямой, так и слегка «пузатой», это дело личного вкуса и на качество работы никак не влияет. Точно так же рукоять бывает голой либо обмотанной чем-нибудь прочным и шершавым. Лучше всего оплести ее тонкой полоской сыромятной кожи или плотной плоской тесьмой (киперная лента не подходит), непременно на клею, так как иначе оплетка очень скоро начнет скользить и раскручиваться;

 относительно балансировки сай можно сказать только то, что центр тяжести должен находиться немного впереди крестовины. Если вы перетяжелите рукоять, то ЦТ расположится как раз в зоне ее перехода в пруток, то есть в точке удержания рукой, а это создаст проблемы с ударными выбросами клинка на хлещущий удар и с оборотами вокруг большого пальца, хотя именно на них строится изрядная доля технических действий;

🔪 оружие, изготовленное из добротной нержавеющей стали, да еще любовно отполированное, равно как и покрытое хромом, смотрится хоть куда и поражает неискушенных зрителей во время показательных выступлений, но лишь в почерневшем от времени и невзгод кованном предмете живет подлинный дух ушедших столетий, а затертые сотнями прикосновений пятна коррозии ласкают взор, словно награды за доблесть и долгую беспорочную службу.

Тонкости изготовления кама (серпов) приводят бессмысленно, поскольку мы ввообще не рассматривали технику работы с этими предметами. Но если кто-то все же надумает изучать коварное оружие, могу лишь предостеречь от попыток парной работы со стальными серпами (кроме демонстрации ката), а безопасный деревянный аналог выглядит примерно так:

Боевой серп отличается от макета лишь тем, что имеет стальной заточенный клюв вместо деревянного, плюс несколько иной способ его крепления в рукоятке.

Человек и оружие

Что бы ни стало
Делать твоей руке —
Делай это со всей мощью!
Эклизиаст

Не стоит наивно думать, что, взяв в руки какой-нибудь предмет, чтобы защититься сию секунду, или при возникновении напряженной ситуации, вы сами и мир вокруг останетесь точно такими же, как раньше. Увы! — изменится всё, и притом совершенно незаметно. Чтобы было яснее, о чем речь, приведу реальный эпизод из жизни своего приятеля.

Однажды кто-то подарил ему чудесный сайгачий рог — витой, рубчатый, идеально ложившийся в ладонь и острый, как наконечник копья. Он так его полюбил, что стал постоянно таскать с собой, поглаживая гладкую, медового цвета кость. Однако мир и гармония бытия вскоре оказались полностью разрушены странными, необъяснимыми фактами внешней агрессии, когда буквально на пустом месте, из ничего, вдруг возникали и стремительно развивались конфликтные ситуации, требующие реального применения оружия, притом происходило чуть ли не по два раза в день. Каким-то чудом избежав кровопролития, наш герой стал вспоминать события последнего времени и пришел к отчетливому пониманию, что неприятности начались одновременно с ношением рога. Дальнейший психоанализ выявил суть проблемы и позволил сформулировать ее в двух вариантах:

 острый рог, будучи естественным природным оружием, неизбежно несет на себе соответствующую энергетику, которая, в свою очередь, буквально притягивает ситуации, требующие крови. Грубо говоря, рогу «хотелось» воевать, и он сам создавал нужную атмосферу;

 другой вариант объяснения близок к первому, только здесь между предметом и ситуацией ставится че-

ловец, играющий роль резонатора. Все просто: ношение колющего оружия перестраивает психику определенным образом, когда его хозяин, сам того не желая и даже не отдавая в этом отчета, подсознательно *хочет* испытать на ком-нибудь свою игрушку. Далее в дело вступают обычные законы естества: эманации мозга создают вокруг ауру битвы, которая притягивает родственные «вибрации» — и вот уже горизонт затянут грозowymi тучами. Вдобавок не стоит забывать и о происках темных сил.

Лично автору такой вариант представляется абсолютно реальным и убедительным. Остается добавить, что мой приятель, будучи тонким специалистом ушу, а потому чутким к разного рода мистике, перестал, выходя из дома, брать с собой рог, — и наваждение мгновенно прекратилось. Если не ошибаюсь, для чистоты эксперимента он спустя некоторое время повторил попытку с нелогичным результатом.

Эта прекрасная история с предельной наглядностью демонстрирует, что оружие образует со своим хозяином неразрывную пару, в которой участники тандема влияют друг на друга. Если человеку искренне безразлично оружие, он никогда не возьмет его в руки, а если он положил его в карман или за пазуху, значит, ему подсознательно хочется проверить себя в новом качестве, что вскоре и происходит. Палка или нож, припрятанные «на всякий случай», сами этот случай и организуют — при участии хозяина в качестве «антенны».

Избежать ауры конфликта и резни получается только у людей, искренне уверенных в собственной силе, спокойных и неагрессивных, если оружие при этом они носят постоянно, по долгу службы или как привычный, обязательный, повсеместный национальный атрибут. На Дону и на Кавказе еще сто лет назад мужчина не выходил из дому без кинжала или шашки, клинок сопровождал его всюду, от рассвета до заката, а ночью висел или лежал в изголовье. Оружие было естественной составляющей жизни, как миска или ложка, а потому никаких особенных

эманаций не пробуждало, тем более что внешний мир и без того кипел конфликтами самого разного уровня — от кровной мести до войн. Казак или черкес, привычно кидавшие через плечо ремень с дедовским клинком в ножнах, не кипели агрессией и могли за секунду до смертельного удара пребывать в самом радужном, мирном и светлом настроении, но при действительно реальной необходимости пускали оружие в ход, ни секунды не сомневаясь и не комплексуя. При этом по прошествии ситуации их не трясло от адреналина, дух был по-прежнему безмятежен, потому что происшедшее нисколько не выходило за рамки обыденности.

А что происходит сегодня? Сплошь и рядом это выглядит так: компьютерный юноша в обмотанных изолентой очках, отправляясь на прогулку с девицей, чтобы затем проводить ее в лихой райончик, дрожащей рукой кладет в карман клипит китайского производства, надеясь, что тот спасет его темной ночью. Или — крепкий, регулярно тренирующийся молодец отправляется летним вечером побродить с компанией себе подобных, сует в рукав нунчаку, так как не исключена встреча с другой такой же компанией.

В итоге вокруг первого персонажа клубится аура неуверенности и смутных опасений, которые почти наверняка притянут к себе каких-нибудь уродов, ищущих забавы, а второй переливается всеми цветами агрессии, от него бувально разит дракой, и что же? — первый же проехавший мимо на УАЗе полицейский патруль мягко попросит оставаться на месте и вывернуть карманы, потому что опытные центурионы отчетливо видят на преступных физиономиях все их мысли. Либо происходит долгожданное побоище с такими же гопниками.

Поэтому, если вы *нормальный* человек, никогда, никогда не носите с собой никакое оружие «просто так», если не хотите испытать его в деле. С другой стороны, при явной, реальной необходимости в случае чего защищаться

по-серьезному ответьте честно на простой вопрос: действительно ли вы готовы пустить оружие в ход, и сумеете ли это сделать, так сказать, технически? Что толку от клипты в кармане, коль скоро его владелец в состоянии стресса позабудет, с какой стороны открывается ножик, но главное — что делать дальше, когда он открыт? Глупые, опасные заявления некоторых «специалистов» о том, будто уже простая демонстрация оружия в большинстве случаев предотвращает конфликт, справедливы *только* тогда, когда на вашем лице противники прочтут непреклонную решимость «колоть, рубить и рвать на части». Если же вместо этого будут неуверенность, страх и желание убежать, вас избыют до полусмерти, и как раз за то, что посмели вынуть нож.

В какой-то из книг о Диком Западе я читал о том, как опытный старожил отговаривал приезжего новичка от намерения нацепить пояс с револьвером, так как это означало бы заявление об умении им пользоваться, чего не было и в помине. Фальшивого ганфайтера пристрелили бы очень скоро, тогда как безоружный по неписанным законам был в относительной неприкосновенности.

Если вы не исполнены отваги, не умеете просто драться голыми руками или ногами, если не готовы идти до конца, «проговаривая» после «А» не только «Б», но и остальные буквы, никакое оружие вас не спасет, только погубит, и демонстрация пистолета (хоть резинопульного, хоть боевого) дрожащими лапками лишь усугубит последствия.

Однако предположим, что вы кое-что умеете и, художественно, можете за себя постоять посредством каких-нибудь традиционных или подручных предметов (об огнестрельном оружии речь, естественно, не идет). Пусть это будет палка, суковатая дубина или даже меч, — то есть вещи, требующие большего мастерства, чем нажим пальца на спусковой крючок, хотя и это тоже искусство со своими «заморочками» и разного рода ловушками и подводными камнями.

Взаимодействие при этом происходит двояко.

1. Человек подавляет оружие

Такая разновидность взаимоотношений встречается чаще всего, но особенно склонны к ней люди физически сильные и жилистые, способные без труда подчинить своей воле какой угодно предмет вместе со всеми его характеристиками, нравами и тонкостями обхождения. Но насилие — оно насилие и есть, дальше рабской покорности дело не продвинется, и ожидать полного раскрытия всех потенциальных возможностей от такого раба не приходится. Действия в подобной манере, с точки зрения стороннего наблюдателя, всегда отличаются напором, энергичностью и безоглядным ухарством. Траектории движений ломанные, состоят из прямолинейных отрезков или неестественно сопряженных кривых, а в целом «спектакль» оставляет неприятное ощущение старательно выполняемой нелюбимой работы.

Между тем различные виды оружия по-разному подчиняются несладкой доле. Если простодушный шест готов, точно пудель, терпеливо сносить любые ваши фантазии, то злонаправленная нунчаку довольно быстро учит вежливому обхождению по известной схеме: «битие определяет сознание», а уж острый меч и вовсе не располагает к помыканию. Мне доводилось не раз с удовольствием наблюдать боязливое почтение, которое вдруг обнаруживалось у самых громадных, ражих молодцев, стоило им взять в руки хорошо заточенный* клинок.

2. Оружие подчиняет человека

Это другая крайность, едва ли не худшая, чем предыдущая, поскольку в первом случае мы хотя бы можем рассчитывать на некоторую практическую, боевую эффективность и уж, худо-бедно, но сумеем огреть противника дубиной, невзирая на ее (дубины) отношение к происходящему. Когда же оружие ведет и тащит за собой излишне пугливого, деликатного или просто хилого тушкой владельца,

* Хорошо — значит, как бритва, в прямом смысле слова.

лучше не ввязываться ни в какие потасовки — впрочем, это действительно лучший выбор в любом варианте.

Точно так же, как для «рабовладельца» характерны мощные проносные движения, в которых всего чересчур много, для либерала определяющим признаком будут недоносы и недоводки, вялые, нерешительные траектории, лишенные фокусировки удары и едва обозначенные, стертые блоки, а общее впечатление от подобной работы — как от чего-то блёклого, выцветшего и безвольного, как говорится: «красиво, но вяло». Оружие непременно явит свою повадку, причем даже в большей степени, чем в кабале первого варианта. Тогда как «номер один» обязательно вгонит шест в землю, ахнет себя до потери сознания нунчаку по темени или снесет клинком половину ноги, «номер второй» упадет, не удержав молодецкого полета шеста на повороте, предоставленная самой себе нунчаку ткнет его в глаз или захлестнет пальцы, а неконтролируемый меч порежет штаны. Я вдоволь насмотрелся и печальных, и комичных примеров как того, так и другого рода.

Есть также некий физиологический момент, не учитывать который нельзя, особенно если речь идет о схватке с оружием. Дело в том, что те, кто не имеет достоверного личного опыта результатов применения оружия по человеку (то есть нормальное большинство населения), насмотревшись боевиков и всякого кинокриминала, полагают, будто после удара ножом, палкой или даже после выстрела в упор противник валится кулем и «лежит себе, не дышит, ручкой-ножкой не колышет». Отнюдь! После любой из перечисленных неприятностей наадреналиненный противник и дышит, и ножками колышет, да так, что вполне способен прихватить вас с собой за компанию на небеса (или в ад — кому куда). Поэтому, стукнув пьяного детину лопатой в темя, не опускайте рук, думая о лаврах победителя, а внимательно отслеживайте ситуацию и при не-

обходимости не побрезгуйте добивающим ударом. Сила последнего (первого, впрочем, тоже) и его цель зависят от степени опасности противника.

Кстати, здесь необходимо оговориться как раз о целях для ударов. Метя в висок мерзкому хулигану, подумайте, что при всей его опасности он чей-то сын, и нет никакой гарантии, что он не переберется и не станет приличным человеком. В конце концов, апостол Павел был когда-то Савлом, кровавым гонителем христиан и вообще чудовищем, каких мало.

Так как оружие (при прочих равных условиях) дает нам зримое преимущество, логично и даже *гуманно* в качестве мишени в серьезной схватке избирать конечности противника, а не его жизненно важные органы, в первую очередь — голову. Мы же не на Окинаве! Это тем более оправданно, что именно травмы конечностей вызывают мгновенный болевой шок, следствиями которого являются тошнота, слабость, резкое падение кровяного давления и больший или меньший коллапс энергии. В итоге противник при всей его мышечной массе и бычьей силе лишается возможности баловаться. Что окажется сильнее — адреналиновая анестезия или мутная шоковая волна — вопрос конкретной ситуации, и предугадать исход удара способен только опытный практик с внушительным личным опытом.

Резюме сказанного могло бы выглядеть так: при наличии решимости, подкрепленной более или менее наработанной техникой, наличие оружия сделает вас сильнее. Если его ношение вошло в привычку и не вызывает никаких особенных мыслей или тревожных ожиданий, оно не притянет ситуацию, вынуждающую к его применению.

Напротив, тот, кто боится и не любит оружие, не умеет с ним обращаться, комплексует по его поводу или ожидает, что оно само, одним своим присутствием, защитит в любой ситуации, рискует нарваться на неприятности.